

марованич

Джулия Куин

*Все в его
поцелуе*

Бриджертоны

Джулия Куин

Все в его поцелуе

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Куин Д.

Все в его поцелуе / Д. Куин — «Издательство АСТ»,
2005 — (Бриджертоны)

ISBN 978-5-17-112298-0

Гарет Сент-Клер всегда понимал, что отец ненавидит его, — но лишить сына, не сделавшего ничего дурного, наследства?! Этому должна быть какая-то веская причина! Молодой аристократ имеет все основания предполагать, что разгадка семейной тайны кроется в некоем загадочном старинном дневнике. Только вот беда — написан он по-итальянски! Приходится звать на помощь Гиацинту Бриджертон — обладательницу самого острого язычка в лондонском свете и барышню, общение с которой, по мнению Гарета, способен вынести только святой. Зато она прекрасно знает итальянский... ну, по крайней мере, делает вид, что знает. Так начинается потрясающая история невероятно смешных приключений Гарета и Гиацинты, которым предстоит понять, что путь к счастью лежит не в старых семейных тайнах и не в знании иностранных языков, а просто в настоящей любви.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-112298-0

© Куин Д., 2005

© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джулия Куин

Все в его поцелуе

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Julia Quinn
IT'S IN HIS KISS

Перевод с английского *И.Э. Волковой*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

© Julie Cotler Pottinger, 2005

© Перевод. И.Э. Волкова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Пролог

Год 1815-й, за десять лет до того, как наша история принимает серьезный оборот...

В отношениях с отцом Гарет Сент-Клер придерживался четырех основных принципов, позволявших ему сохранять хорошее настроение и душевное спокойствие.

Первый: не заводить никаких разговоров с отцом, если в этом нет крайней необходимости.

Второй: если разговор неизбежен – следует быть предельно кратким.

Третий: в случаях, когда не требовалось ничего более существенного, чем простое приветствие, при этом всегда должен был присутствовать кто-то третий.

И наконец, четвертый: друзей должно быть как можно больше, чтобы было кому пригласить его к себе на школьные каникулы.

Он стремился как можно больше времени проводить вне дома, подальше от отца. Гарет отработал свою систему до совершенства и был неприятно удивлен и раздосадован, когда ему в категоричной форме приказали вернуться из школы домой в Клер-Холл.

Курс обучения в Итоне заканчивался через два месяца, и жизнь в колледже была в полном разгаре: занятия перемежались спортивными играми и тайными посещениями – естественно поздно ночью – местной пивной с обильными возлияниями в обществе женщин.

О таком времяпрепровождении мечтает любой молодой человек восемнадцати лет от роду. И он был уверен, что если ему удастся держаться подальше от отца, то и в девятнадцать лет его жизнь будет такой же безоблачной. Осенью он должен был, как и все его закадычные друзья, поступить в Кембридж, а там он намеревался продлить блаженные дни, не забывая, впрочем, и об учебе.

Гарет оглядел холл родного дома и стал нервно насвистывать. Что, черт возьми, понадобилось от него барону – так он привык называть про себя отца. Ричард Сент-Клер уже давно заявил, что не желает иметь ничего общего со своим младшим сыном, а за его обучение платит лишь потому, что так положено. Что на самом деле означало, и это знали все: если отец не пошлет Гарета учиться в привилегированную школу, его осудят и друзья, и соседи.

Изредка пути Гарета и его отца все же пересекались, и тогда барон пускался в длительные рассуждения о том, каким разочарованием стало для него рождение второго сына.

А это, в свою очередь, вело к тому, что у Гарета появлялось желание еще больше разочаровать отца. Чтобы оправдать ожидания, так сказать!

Чувствуя себя в родном доме чужим, Гарет нетерпеливо постукивал ногой, ожидая, пока дворецкий доложит отцу о его приезде. За прошедшие девять лет он провел так мало времени в этом доме, что ему было трудно считать его своим. Слава богу, что это нагромождение камней, принадлежащее его отцу, со временем перейдет к его старшему брату Джорджу. Ни дом, ни часть состояния Сент-Клеров не достанутся Гарету, так что он понимал, что ему придется самому пробивать себе дорогу в жизни. Он предполагал после окончания Кембриджа поступить на военную службу, ибо не готов был принять духовный сан.

Гарет плохо помнил свою мать: она погибла в результате несчастного случая, когда ему было пять лет, но он помнил, как она ерошила ему волосы и смеялась над его серьезностью.

– Мой маленький чертенок, – ворковала она, а потом добавляла шепотом: – Всегда оставайся таким.

И он прилежно следовал ее совету, а потому сомневался, что англиканская церковь захочет принять его в свое лоно.

– Мастер Гарет. – Услышав голос дворецкого, Гарет поднял голову. Гилфойл, как обычно, говорил отрывистыми фразами. – Ваш отец примет вас. Он в своем кабинете.

Гарет кивнул и направился в любимую комнату отца. Здесь барон читал свои нравоучения, здесь пророчил, что сын никогда ничего не добьется в жизни, здесь он вслух размышлял о том, что ему не следовало иметь второго сына, что на Гарета зря тратится семейный бюджет и что он порочит честь семьи.

Да, подумал Гарет, постучавшись в дверь, счастливых воспоминаний об этом месте у него нет.

– Войди!

Гарет толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел. Отец сидел за письменным столом и что-то писал. Гарет отметил про себя, что отец выглядит неплохо. Впрочем, он всегда прекрасно себя чувствовал. Лорд Сент-Клер был здоровым и сильным и выглядел на двадцать лет моложе своих пятидесяти лет. Он выглядел человеком, которого такому мальчишке, как Гарет, следовало бы уважать.

Гарет терпеливо ждал, пока отец поднимет голову, но тот словно его не замечал, и тогда Гарет кашлянул. Никакой реакции не последовало. Гарет опять кашлянул. Отец упорно занимался своими делами. Гарет стиснул зубы. Это было обычным поведением отца – игнорировать сына, давая тем самым ему понять, что считает его ничтожеством, не достойным внимания барона Сент-Клера.

Гарет перебрал в уме несколько вариантов своего поведения, а потом небрежно прислонился к косяку и принялся насвистывать.

Барон тут же вскинул голову.

– Прекрати, – резко приказал он.

Гарет поднял бровь и перестал свистеть.

– И встань прямо. Господи, сколько раз я тебе говорил, что свистеть неприлично?

Гарет немного помолчал и спросил:

– Я должен что-то на это ответить или это был риторический вопрос?

Лицо отца стало пунцовым.

Гарет знал, что его намеренно насмешливый тон разозлит барона, но иногда было чертовски трудно держать язык за зубами. Он потратил годы на то, чтобы завоевать любовь отца, а теперь, отчаявшись, махнул на все рукой.

И если ему удастся сделать отца таким же несчастным, каким старик делал его, – так тому и быть. Гарет даже чувствовал некое удовлетворение. Должен же человек получать удовольствие там, где это возможно!

– Я удивлен, что ты приехал.

Гарет озадаченно нахмурился:

– Ты же просил меня приехать.

Он никогда не осмеливался открыто выказывать неповиновение отцу. В мечтах Гарет всегда давал ему отпор. Он говорил барону все, что о нем думает, но в реальности его наглость, как правило, ограничивалась насмешливым свистом или угрюмыми взглядами.

– Да, просил. – Отец слегка откинулся на спинку стула. – Тем не менее, если я чего-либо прошу от тебя, я никогда не жду, что ты правильно истолкуешь мое желание.

Гарет промолчал.

Отец встал и подошел к столу, где стоял графин с бренди.

– Ты, вероятно, удивлен, зачем я тебя позвал.

Гарет молча кивнул, но так как отец не удосужился взглянуть на него, он добавил:

– Да, сэр.

Барон сделал порядочный глоток бренди и заставил сына ждать, пока он явно наслаждался отличным напитком. Потом он обернулся и, глядя на сына холодным оценивающим взглядом, сказал:

– Я наконец решил, как ты можешь принести пользу семье Сент-Клеров.

Голова Гарета дернулась от удивления.

– Вот как, сэр?

Его отец сделал еще один глоток и, выдержав паузу, произнес:

– Ты женишься.

– Сэр? – Гарет чуть было не поперхнулся.

– Этим летом, – подтвердил лорд Сент-Клер.

Гарет схватился за спинку стула, чтобы не упасть. Господи, да ему же всего восемнадцать! Он слишком молод, чтобы жениться. А как же Кембридж? Разве сможет он там учиться, будучи женатым? И где прикажете ему жить с женой?

А... Боже милостивый, на ком он должен жениться?

– Это отличная партия, – продолжал барон, не обращая внимания на реакцию Гарета. – А приданое, несомненно, улучшит наше финансовое положение.

– Наше финансовое положение, сэр, – тупо повторил Гарет.

Лорд Сент-Клер оценивающе посмотрел на сына.

– Наше имущество заложено и перезаложено, еще год, и мы вообще все потеряем.

– Но... как?

– Итон дорогое заведение, – отрезал барон.

«Вряд ли Итон мог довести семью до банкротства, – в отчаянии подумал Гарет. – Неужели только я в этом виноват?»

– Ты, конечно, меня разочаровал, – сказал барон, – но я выполнил свои обязательства. Ты получил образование, приличествующее джентльмену. У тебя была лошадь, одежда и крыша над головой. Настало время поступить как подобает мужчине.

– Кто?

– А?

– Кто? – чуть громче произнес Гарет. – На ком я должен жениться?

– На Мэри Уинтроп, – безапелляционно заявил барон.

Гарет похолодел.

– Мэри...

– Дочь Роутена.

Будто Гарет этого не знал!

– Она будет отличной женой, – продолжал барон. – Послушной. А ты, если захочешь развлекаться в городе со своими друзьями, можешь запереть ее в деревне.

– Но, отец, Мэри...

– Я сделал предложение от твоего имени, брачный контракт уже подписан. Дело решенное.

Гарету стало трудно дышать. Нельзя насильно заставить человека жениться.

– Роутен хочет, чтобы свадьба была в июле. Я сказал ему, что мы не возражаем.

– Но... Мэри... Я не могу жениться на ней.

Брови барона поползли вверх.

– Ты можешь, и ты женишься.

– Но отец, она... она...

– Простушка? – ухмыльнулся барон. – А какая разница, кто окажется под тобой в постели? А больше у тебя не будет с ней никаких дел. – Он подошел к сыну почти вплотную. – Все, что от тебя требуется, – это появиться в церкви. Ты меня понял?

Гарет промолчал.

Он знал Мэри Уинтроп всю свою жизнь. Она была старше его на год, а их поместья соседствовали уже более века. Детьми они дружили, но очень скоро выяснилось, что у Мэри не все в порядке с головой. Он оставался ее защитником, когда бывал дома, и не раз бился в кровь с теми, кто обзывал ее или пытался воспользоваться ее добротой.

Но жениться на ней! Она была как малое дитя. Жениться на ней грешно. Но даже если это и не так, он никогда бы этого не вынес. Она вряд ли была способна понять, что именно должно происходить между ними, если они станут мужем и женой. Он никогда не сможет лечь с ней в постель. Никогда.

Гарет смотрел на отца, не в силах вымолвить хотя бы слово. В первый раз в жизни у него не было готового ответа, ни единого дерзкого замечания. Какие слова подходят для такого случая?

– Я вижу, мы понимаем друг друга, – улыбнулся барон.

– Нет! – вырвалось у Гарета. – Нет! Я не могу!

Барон прищурился.

– Ты будешь там, даже если мне придется тебя связать.

– Нет! – Гарету казалось, что у него в горле застрял комок. – Отец, Мэри... она же ребенок. Она никогда не станет взрослой. И ты об этом прекрасно знаешь. Я не могу на ней жениться – это большой грех!

Барон тихо засмеялся:

– Пытаешься убедить меня, что ты, именно ты, неожиданно обрел веру?

– Нет, но...

– Никаких обсуждений, ты меня понял? Роутен выделяет дочери щедрое приданое. А что ему еще остается делать, чтобы сбыть с рук идиотку?

– Не говорите так о ней, – прошептал Гарет. Возможно, он и не хотел жениться на Мэри, но он знал ее всю жизнь, и она не заслуживала того, чтобы ее обзывали идиоткой.

– Это будет самый благородный поступок в твоей жизни. Роутен дает за дочь такие деньги, что я смогу выделить тебе содержание, на которое ты сможешь жить, как тебе захочется.

– Содержание, – глухо откликнулся Гарет.

– Не думаешь же ты, что я доверю тебе все деньги. Тебе?

– А как же учеба в колледже? – осмелился поинтересоваться Гарет.

– Можешь посещать занятия. Благодарю за это свою невесту. Она на это согласилась, как только был подписан брачный контракт.

Гарет стоял, пытаясь привести в порядок дыхание и мысли. Отец знал, как много значил для него Кембридж. Это был единственный пункт, в котором их мнения совпадали: джентльмен должен получить образование, достойное джентльмена. Не важно, что Гарету действительно нравилось учиться, а для лорда Сент-Клера посещение Кембриджа было всего лишь данью светскому обществу. Но уже давно было решено – Гарет будет учиться в Кембридже и получит ученую степень.

А теперь оказалось, что лорд Сент-Клер понял, что не сможет платить за обучение младшего сына! И когда же он собирался сообщить ему об этом? Когда он начнет паковать вещи, собираясь в Кембридж?

– Все обговорено, Гарет. И жениться должен ты. Джордж – наследник, и я не могу допустить, чтобы на нашей родословной было пятно. Кроме того, – барон поджал губы, – я бы не стал подвергать твоего брата такому...

– А меня, значит, можете? – Неужели отец так его ненавидит? И совсем о нем не думает? Гарет ни разу не слышал от барона ободряющего слова. – Почему? – Гарет не узнал своего голоса, это был жалобный стон раненого зверя. – Почему?

Отец молчал, он стоял и так крепко держался за край стола, что у него побелели костяшки пальцев. А Гарет почему-то не мог оторвать взгляда от рук отца!

– Я ваш сын, – прошептал он, все еще глядя на руки отца и страшась посмотреть ему в лицо. – Ваш сын. Как вы могли так поступить с собственным сыном?

И тут отец, который всегда славился своими резкими ответами, гнев которого всегда был холодным, как лед, а не обжигающим, как пламя, взорвался. Он оторвал руки от стола, и комната огласилась громоподобным ревом:

– Господи, неужели ты до сих пор ничего не понял? Ты не мой сын! Ты никогда им не был! Ты внебрачный ребенок, паршивый щенок, которого твоя мать прижила с кем-то, когда я уезжал.

Долго сдерживаемая и подавляемая злость ураганом вырвалась из груди Гарета и сжала так, что он не мог дышать.

– Нет! – Он в отчаянии мотал головой. Этого не могло быть! Ему даже в голову ничего подобного не приходило. Он был копией отца. Тот же нос, те же...

– Я кормил тебя, одевал и представил миру как своего сына. Я содержал тебя, тогда как другой человек вышвырнул бы тебя на улицу. А теперь настало время вернуть должок!

– Нет, этого не может быть. Я так похож на тебя. Я...

С минуту лорд Сент-Клер молчал, а потом заметил:

– Злополучное совпадение, уверяю тебя.

– Но...

– Я мог бы отказаться от тебя, когда ты родился. Мог бы выгнать вас с матерью на улицу, но я этого не сделал. – Он обошел стол и приблизился к Гарету. – Я тебя признал, и ты мой сын по закону. И ты мой должник, – тихо, с горечью добавил он.

– Нет. – Голос Гарета наконец обрел ту убежденность, которая ему потребуется, чтобы жить дальше. – Я этого не сделаю.

– Я откажусь от тебя, – предупредил барон. – Я не дам тебе ни единого пенни. И можешь забыть свои мечты о Кембридже...

– Нет, – повторил Гарет, но его голос звучал иначе. Он понял, что это конец. Конец детства, наивности, и начало...

Одному богу известно, началом чего это было!

– Я от тебя отказываюсь, – прошипел его отец... нет, не его отец. – Между нами все кончено.

– Да будет так, – ответил Гарет.

И ушел.

Глава 1

Прошло десять лет. И вот мы встречаемся с нашей героиней, которую, надо сказать, никто не назовет скромным и застенчивым цветочком. Действие происходит на ежегодном музыкальном вечере у Смайт-Смитов примерно за десять минут до того, как господин Моцарт начал ворочаться в своей могиле.

– Зачем мы это делаем? – громко спросила Гиацинта Бриджертон.

– Затем, что мы хорошие, добрые люди, – ответила ее невестка, расположившаяся – да поможет им бог – в первом ряду.

– Неужели результаты прошлых лет тебя ничему не научили... – настаивала Гиацинта, глядя на пустое кресло рядом с Пенелопой.

– Гиацинта?

Гиацинта нетерпеливо обернулась к Пенелопе.

– Сиди спокойно.

Гиацинта тяжело вздохнула, но перестала вертеться.

Музыкальный вечер. К счастью, его устраивали один раз в году, потому что Гиацинта не сомневалась, что ее ушам понадобится не меньше года, чтобы прийти в нормальное состояние.

Она снова вздохнула, на этот раз намного громче.

– Я не уверена, что я такая уж хорошая и добрая.

– Я тоже в этом не уверена, – отозвалась Пенелопа, – но я тем не менее решила в тебя поверить.

– Рискованный шаг.

– Я тоже так думаю.

Гиацинта глянула на нее искоса.

– Впрочем, у тебя не было выбора.

Пенелопа повернулась к ней.

– Что ты имеешь в виду?

– Колин ведь отказался тебя сопровождать, не так ли? – Колин, брат Гиацинты, уже год был женат на Пенелопе.

Пенелопа обиженно поджала губы.

– Мне нравится, когда я права. – Гиацинта торжествующе посмотрела на бедную Пенелопу.

– Ты просто невыносима.

– Знаю, – Гиацинта наклонилась к Пенелопе, – но ты меня все равно любишь, признайся.

– Я ни в чем не признаюсь до конца вечера.

– После того, как мы все оглохнем?

– После того, как мы увидим, что ты вела себя прилично.

– Ты теперь принадлежишь к нашей семье, тебе придется полюбить меня. Обязана – по брачному контракту.

– Забавно, но я не припомню такого пункта.

– И впрямь забавно, а я вот точно помню.

Пенелопа рассмеялась:

– Не знаю, как тебе это удастся, Гиацинта, но при всей своей несносности ты всегда очаровательна.

– У меня особый дар.

– Что ж, за то, что ты пришла сюда со мной сегодня вечером, тебе полагается поощрение.

– Разумеется, на самом деле я воплощение доброты и дружелюбия.

Девушка с тоской наблюдала за происходившим на небольшой импровизированной сцене. Каждый год Гиацинта клялась себе, что не пойдет на концерт, но каким-то образом оказывалась на вечере и ободряюще улыбалась четырем девушкам на сцене, безбожно искажавшим замечательные произведения классиков.

– В прошлом году я хотя бы сидела в конце зала, – жалобно сказала она.

– Верно. – Пенелопа повернулась к ней и посмотрела на нее с подозрением. – Как тебе это удалось? Фелисити, Элоиза и я – мы все сидели в первом ряду.

– Удачно выбрала момент, чтобы скрыться в дамской комнате. На самом деле...

– Не вздумай проделать нечто подобное сегодня. Если ты оставишь меня здесь одну...

– Не волнуйся, я буду страдать рядом с тобой до конца. Но, – добавила Гиацинта, упершись пальцем в грудь Пенелопе – этот жест ее мать наверняка сочла бы вульгарным, – я желаю, чтобы моя преданность была отмечена особо.

– Почему у меня такое чувство, – жалобно сказала Пенелопа, – что в один прекрасный момент, когда я меньше всего буду этого ожидать, ты потребуешь от меня какого-либо одолжения?

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – удивилась Гиацинта.

– О, посмотри, вон идет леди Данбери!

– Миссис Бриджертон, мисс Бриджертон, – отдуваясь, поприветствовала их леди Данбери.

– Добрый вечер, леди Данбери, – ответила пожилой графине Пенелопа. – Мы заняли вам место в первом ряду.

Леди Данбери слегка ударила тростью по лодыжке Пенелопы.

– Вы всегда думаете о других.

– Да, – смущенно пробормотала Пенелопа, – я...

– Ха. – Это было одно из любимых выражений графини. – Подвинься, Гиацинта, – приказала она. – Я сяду между вами.

Девушка послушно подвинулась.

– Мы с Пенелопой как раз обсуждали, почему люди приходят на эти концерты.

– Не знаю, как вы, – графиня обернулась к Гиацинте, – но она, – последовал поворот головы в сторону Пенелопы, – здесь по той же причине, что и я.

– Чтобы послушать музыку? – чересчур вежливо спросила Гиацинта.

Лицо леди Данбери сморщилось в улыбке.

– Ты всегда нравилась мне, Гиацинта Бриджертон.

– А вы – мне.

– Думаю, это потому, что ты время от времени приходишь ко мне, чтобы почитать вслух.

– Я прихожу каждую неделю, – напомнила Гиацинта.

– Время от времени... каждую неделю... хм. Какая разница, если тебе не приходится делать это каждый день!

Гиацинта благоразумно предпочла промолчать, а то леди Данбери, чего доброго, сумеет добиться согласия девушки навещать ее каждый день.

– И хочу добавить, что на прошлой неделе ты поступила отвратительно, остановившись на странице, где бедная Присцилла чуть было не сорвалась со скалы.

– А что вы читаете? – поинтересовалась Пенелопа.

– «Мисс Баттеруорт и безумный барон». И она пока еще жива.

– Ты прочитала дальше?

– Нет, но это нетрудно предугадать. Мисс Баттеруорт уже висела и на доме, и на дереве.

– И она все еще цела? – удивилась Пенелопа.

– Я сказала, что она висела, а не что ее повесили, – буркнула Гиацинта. – А жаль, следовало бы!

– Независимо от этого с твоей стороны было нечестно оставить меня в напряжении, – пожаловалась графиня.

– А это был конец главы, – ничуть не раскаиваясь, заявила Гиацинта. – К тому же разве терпение не является добродетелью?

– Ничего подобного, – безапелляционно заявила леди Данбери. – А если ты так считаешь, ты меньше женщина, чем я думала.

Никто не понимал, почему Гиацинта навещала леди Данбери каждый вторник, чтобы читать ей вслух, но девушке нравилось проводить время с графиней. У леди Данбери было много причуд, но Гиацинта обожала ее.

– Вместе вы представляете угрозу обществу, – заметила Пенелопа.

– Цель моей жизни, – провозгласила графиня, – быть угрозой как можно большему числу людей, поэтому я воспринимаю ваши слова, миссис Бриджертон как комплимент.

– Почему, выражаясь высокопарно, вы всегда называете меня миссис Бриджертон? – спросила Пенелопа.

– Так звучит внушительнее.

Гиацинта усмехнулась. К старости она хотела бы стать точно такой же, как леди Данбери. Она любила пожилую графиню больше, чем многих людей ее возраста. После того как Гиацинта пробыла три сезона на ярмарке невест, она немного подустала от людей, которых видела каждый день. Хотя то, что и раньше ее восхищало и возбуждало – балы, вечеринки, поклонники, – пока не потеряло своей прелести, в этом она должна была себе признаться. Гиацинта не принадлежала к тем девушкам, которые вечно жаловались на богатства и привилегии, которые их заставляли терпеть.

Но что-то ушло. У нее уже не захватывало дыхание, когда она входила в бальный зал. Танец стал просто танцем, а не магическим кружением, как в прошлые годы. Ушло восхищение – вот что она поняла.

К сожалению, всякий раз, когда она делилась своими умозаключениями с матерью, ответ был один и тот же – найди себе мужа. Это, по убеждению Вайолет Бриджертон, должно было все изменить.

Как же!

Мать Гиацинты уже давно перестала говорить околичностями, когда дело касалось ее четвертой – самой младшей из дочерей. Это был ее личный крестовый поход.

Забудьте о Жанне д'Арк. Она, Вайолет Бриджертон, живет в районе Мейфэр в Лондоне, и ни мор, ни чума, ни вероломный возлюбленный не остановят ее поисков, пока все восемь ее детей не обретут счастья в браке. Оставались только двое, Грегори и Гиацинта, но Грегори только что исполнилось двадцать четыре, а этот возраст считался (весьма несправедливо, по мнению Гиацинты) вполне допустимым для холостого джентльмена.

Но ведь ей всего двадцать два! Единственным утешением для ее матери был тот факт, что старшая дочь Элоиза уже достигла возраста двадцати восьми лет, когда наконец стала невестой. По сравнению с ней Гиацинта вообще еще была в пеленках.

Никто бы не мог сказать, что Гиацинта не пользовалась успехом, но даже ей приходилось признать, что она потихоньку движется к критическому возрасту. С момента ее дебюта в свете три года назад ей было сделано несколько предложений, но не так много, если учесть ее внешность – она не была самой хорошенькой девушкой в городе, но симпатичнее половины предполагаемых невест, а ее приданое было не самым большим, но вполне достаточным, чтобы на него нашлись охотники.

Ее родословная была безупречной. Ее старший брат, как и ее отец до него, был виконтом Бриджертоном, и хотя это был не самый высокий титул в стране, семья пользовалась популярностью и была достаточно влиятельной. К тому же ее сестра Дафна стала герцогиней Гастингс, а сестра Франческа – графиней Килмартин.

Если мужчина стремился породниться с могущественными родами Британии, Бриджертоны были не самыми последними в их списке.

Но если задуматься над выбором времени для предложений, которые она получила, то картина вырисовывалась неприятная.

Три предложения в ее первый сезон.

Два – во второй.

Одно – в прошлом году.

И пока ни одного в этом.

Похоже, ее популярность пошла на спад. Это было настолько очевидно, что не имело смысла спорить на эту тему. Хотя мало кто из представителей высшего общества, как мужчин, так и женщин, мог перехитрить, переговорить или переспорить Гиацинту Бриджертон.

Возможно, именно этим и объяснялось то, что предложения руки и сердца убывали с такой катастрофической скоростью.

«Ну и что?» – думала она, наблюдая за девушками, ходившими по небольшой сцене, сооруженной в огромной гостиной. Еще неизвестно, приняла бы она какое-либо из вышеупомянутых шести предложений. Трое претендентов были охотниками за приданым, двое – дураками, а последний – занудлив до зевоты.

Лучше уж остаться незамужней, чем приковать себя к скучному мужу, который замучит ее глупыми разговорами. Даже ее мать, которая была неисправимой свахой, не сумела разубедить девушку.

Что же касается нынешнего сезона... что ж, если мужчины Британии не в состоянии оценить внутренние достоинства интеллигентной девушки, имеющей собственное мнение, это их проблемы, а не ее.

Леди Данбери постучала тростью по полу, чуть было не задев ступню Гиацинты.

– Послушайте, кто-нибудь из вас видел моего внука?

– Какого внука? – поинтересовалась Гиацинта.

– Как – какого? – нетерпеливо переспросила леди Данбери. – Того, которого я люблю больше других.

Гиацинта даже не стала скрывать своего изумления.

– Мистер Сент-Клер будет сегодня здесь?

– Я и сама в это почти не верю, – фыркнула графиня. – Я все время жду, что через потолок вот-вот пробьется божественный луч...

– Кажется, это богохульство, хотя я не уверена, – сморщила нос Пенелопа.

– Ничего подобного. – Гиацинта даже не взглянула на невестку. – А почему он должен прийти?

Леди Данбери улыбнулась:

– А почему тебя это так интересует?

– Меня всегда интересуют сплетни, – откровенно заявила Гиацинта. – Обо всех. Вы же знаете!

– Ладно, ладно, – проворчала леди Данбери. – Он придет, потому что я его шантажировала.

Гиацинта и Пенелопа переглянулись.

– Ну, это был не совсем шантаж, но я дала мальчику почувствовать себя очень виноватым. Я могла бы сказать ему, что плохо себя чувствую, – вздохнула леди Данбери.

– Что значит – могли бы?

– Да просто сказала, и все тут.

– Вы, очевидно, отлично притворились, если заставили его пожертвовать своими развлечениями. – Гиацинта с восхищением посмотрела на леди Данбери. Она всегда ценила актер-

ские способности графини, особенно если той удавалось манипулировать окружающими ее людьми, тем более что Гиацинта и сама обладала этим талантом.

– По-моему, я еще никогда не встречала его на музыкальном вечере, – заметила Пенелопа.

– Хм... Уверена, что это потому, что здесь мало безнравственных женщин.

Прозвучавшее из уст кого-либо другого, это заявление вызвало бы шок среди окружающих, но к провокационным замечаниям леди Данбери все давно привыкли. К тому же надо было знать мужчину, которого старая леди имела в виду.

Внуком леди Данбери был не кто иной, как пресловутый Гарет Сент-Клер. Впрочем, такая репутация была им не совсем заслужена, считала Гиацинта. В свете было немало других мужчин, не отличавшихся примерным поведением, а также таких, которые были не менее красивы, но Гарет был единственным, в котором эти качества сочетались с таким успехом.

Его репутация была ужасной.

Гарет был в том возрасте, когда мужчины женятся, но он ни разу не нанес визита приличной молодой девушке в ее доме. В этом Гиацинта была совершенно уверена. Вырази он хотя бы намек на желание поухаживать за кем-либо, обществу это сразу стало бы известно. Более того, Гиацинта узнала бы об этом от леди Данбери, обожавшей сплетни еще больше, чем она.

Всем было известно, что отец и сын Сент-Клеры не общаются, но никто не знал почему. Гиацинте нравилось, что Гарет не выставляет напоказ свои отношения с отцом, она считала, что это характеризует его с положительной стороны. Гиацинта встречала в свете лорда Сент-Клера, и он показался ей неотесанным мужланом. Поэтому, что бы ни произошло между отцом и сыном, вина скорее всего лежит на отце.

Семейная тайна лишь добавляла шарма и без того харизматическому молодому человеку и порождала всевозможные слухи. Никто толком не знал, как же все-таки относиться к молодому Сент-Клеру. С одной стороны, матери оберегали от него своих дочерей, не подпуская его к ним, потому что знакомство с Гаретом Сент-Клером могло погубить репутацию девушки. С другой стороны, после смерти брата он остался единственным наследником барона. А это делало его романтической фигурой и, конечно, завидным женихом. Месяц назад Гиацинта увидела, как какая-то девушка упала в обморок – или притворилась, – когда он снизошел до посещения бала у Бевелстоков.

Выглядело это ужасно.

Гиацинта попыталась убедить глупую девчонку, что Сент-Клер приехал только потому, что его заставила бабушка, а его отца не было в городе. Ведь всем было хорошо известно, что он общается только с оперными певичками и актрисами, а не с порядочными девушками, с которыми он мог бы познакомиться на балу у Бевелстоков. Но девушку никак не удавалось вывести из ее возбужденного состояния, и она в конце концов упала на кушетку в весьма живописной и грациозной позе.

Гиацинте удалось первой раздобыть флакон с нюхательной солью, который она и сунула под нос девице. Пока Гиацинта приводила ее в чувство, она заметила, что Гарет смотрит на нее, очевидно, находя забавной. Незачем говорить, что его внимание – пусть и мимолетное – ей не понравилось.

Гиацинта повернулась к леди Данбери, которая все еще выискивала среди гостей своего внука.

– Думаю, он еще не приехал, – сказала Гиацинта и тихо добавила: – Поскольку еще никто не упал в обморок.

– Что ты сказала?

– Что он еще не приехал.

– Это я слышала. А что еще?

– Больше ничего.

– Лгунишка.

Гиацинта посмотрела на Пенелопу.

– Ты не находишь, что она обращается со мной ужасно?

– Кто-то же должен, – пожала плечами Пенелопа.

Лицо леди Данбери расплылось в улыбке, и она спросила, обращаясь к Пенелопе:

– На виолончели играет та же девушка, что и в прошлом году?

Пенелопа кивнула.

– О чем это вы говорите? – поинтересовалась Гиацинта.

– Стыдись, ты никогда не слушаешь, – ответила Пенелопа.

– Ну... – сказала Гиацинта, которая терпеть не могла, когда она пропускала какую-либо шутку. Девушка повернулась к сцене и начала разглядывать виолончелистку. Не заметив ничего особенного, она снова обернулась к своим спутницам и хотела было что-то сказать, но те уже были погружены в беседу, где ей не было места.

– Хм. – Она откинулась на спинку стула и повторила: – Хм-м.

– Вы проделываете это так же мастерски, как моя бабушка, – раздался мужской голос у нее за спиной.

Гиацинта подняла глаза. Вот он – Гарет Сент-Клер, и появился он в самый неподходящий момент. К тому же единственный свободный стул остался возле нее.

– Ты заметил? – Леди Данбери ударила тростью по полу. – Она заняла твое место. Теперь она моя гордость и моя радость.

– Скажите, мисс Бриджертон, – насмешливо поинтересовался мистер Сент-Клер, – моя бабушка переделывает вас по своему образу и подобию?

Гиацинта растерялась, это ее разозлило.

– Пересядь на свободный стул, Гиацинта. Я хочу, чтобы Гарет сидел рядом со мной. – Гиацинта собралась что-то ответить, но тут вмешалась леди Данбери. – Кому-то надо следить, чтобы он вел себя прилично.

Гиацинта шумно выдохнула и послушно переместилась на свободный стул.

– Садись сюда, мой мальчик. Садись и наслаждайся.

Гарет окинул бабушку долгим взглядом и наконец сказал:

– Ты у меня в долгу за это, бабушка.

– Ха! Если бы не я, тебя бы вообще на свете не было.

– Трудно что-либо возразить на это, – пробормотала Гиацинта.

Мистер Сент-Клер обернулся к ней, по-видимому лишь для того, чтобы отвернуться от бабушки. Гиацинта вежливо ему улыбнулась.

Он всегда напоминал ей льва – грозного и хищного, полного беспокойной энергии. Его волосы были неопределенного цвета – не то светло-каштановыми, не то темно-русыми – и всегда немного растрепанные и не по моде длинные, стянутые в хвост на затылке. Он был высок ростом, но не слишком, с сильным телосложением атлета и немного неправильными чертами лица, делавшими его красивым, а не хорошеньким. А глаза у него были голубые! По-настоящему голубые, вызывающие беспокойство.

Почему беспокойство? Гиацинта слегка тряхнула головой. Что за дурацкая мысль? У нее тоже голубые глаза, но они уж точно ни у кого не вызвали беспокойства.

– Что же привело вас сюда, мисс Бриджертон? Я и не знал, что вы такая любительница музыки.

– Если бы она любила музыку, – вмешалась леди Данбери, – то давно сбежала бы во Францию.

– Как же она не любит, если не участвует в разговоре, – буркнул он, не оборачиваясь. – О!

– Что, палка? – вежливо осведомилась Гиацинта и стала с интересом наблюдать за тем, как Гарет, не поворачивая головы, схватил трость и ловко выдернул ее из рук бабушки.

– Вот, возьмите и присмотрите за ней. Пока графиня сидит, она ей не понадобится.

Гиацинта чуть было рот не открыла от изумления. Даже она не смела так вольно обращаться с леди Данбери.

– Вижу, что я наконец-то произвел на вас впечатление. – Он откинулся на спинку стула с видом человека, весьма собой довольного.

– Да, – не успев подумать, ответила Гиацинта. – То есть нет.

– Как отратно!

– Я имела в виду, что даже не успела ни о чем подумать.

Он похлопал ладонью по сердцу.

– Вы меня ранили прямо в сердце. – Гиацинта стиснула зубы. Он что, издевается? Все ее светские знакомые были ясны ей, как открытая книга. Но Гарет Сент-Клер был ей непонятен. Она искоса глянула на Пенелопу – слышала ли она? Но та успокаивала леди Данбери, которая все еще переживала по поводу потери своей трости.

Гиацинта оказалась зажатой между Гаретом Сент-Клером с одной стороны и лордом Соммерсхоллом – никогда не отличавшимся худобой – с другой. Ей даже пришлось немного подвинуться к Гарету, который излучал невероятное тепло.

Боже правый, неужели этот человек лежал, обложившись грелками с горячей водой, прежде чем отправиться на музыкальный вечер?

Гиацинта стала незаметно обмахиваться программкой.

– Что-то не так, мисс Бриджертон? – спросил он, с интересом заглядывая ей в лицо.

– Нет, все в порядке. Просто здесь жарковато, вам не кажется?

Гарет посмотрел на нее немного дольше, чем ей этого хотелось бы, и обернулся к леди Данбери.

– Тебе жарко, бабушка?

– С чего ты взял?

Он опять повернулся к Гиацинте и чуть пожал плечами.

– Видимо, жарко только вам.

– Должно быть, – процедила она сквозь зубы, упорно глядя прямо перед собой. Может, не поздно сбежать в дамскую комнату? Пенелопа станет жаловаться, что она оставляет ее одну, но ведь с ней еще два человека. Можно все свалить и на лорда Соммерсхолла: он все время ерзал на стуле и иногда толкал ее, скорее всего преднамеренно.

Гиацинта снова чуть-чуть подвинулась вправо. Гарет Сент-Клер был последним человеком, к которому ей хотелось бы прижиматься. Однако тучный лорд Соммерсхолл привлекал ее еще меньше.

– Что-то случилось, мисс Бриджертон? – участливо осведомился Гарет.

Она покачала головой, собралась вскочить, но не успела. Раздались аплодисменты.

Гиацинта подавила стон. Одна из девиц Смайт-Смит объявила начало концерта. Прекрасная возможность была упущена, теперь просто невежливо было встать и уйти, особенно с первого ряда.

Одно утешало – она была не единственной страдающей душой в этом зале. Едва девицы Смайт-Смит подняли смычки, приготовившись терзать инструменты и уши слушателей, как мистер Сент-Клер вздохнул и тихо прошептал:

– Да поможет нам бог!

Глава 2

Тридцать минут спустя где-то неподалеку жалобно завyla маленькая собачонка. Но, к несчастью, никто ее не услышал...

На свете существовал лишь один человек, ради которого Гарет готов был слушать музыку в очень плохом исполнении, и этим человеком была бабушка Данбери.

– Больше никогда, – шепнул он ей на ухо. Сначала им пришлось прослушать нечто, что должно было быть Моцартом, потом нечто объявленное как Гайдн, за которым последовала пародия на Генделя.

– Сиди прямо, – прошептала бабушка. – Ты ведешь себя невежливо.

– Мы прекрасно могли разместиться в последних рядах.

– И пропустить такое развлечение?

Даже с большой натяжкой подобный вечер нельзя было назвать развлечением, но бабушка испытывала какую-то патологическую страсть к этому ежегодному мероприятию.

Как обычно, четыре девицы Смайт-Смит сидели на небольшом возвышении, причем две из них играли на скрипках, третья – на виолончели, а четвертая на фортепиано. И каждая так старательно пыталась исполнить свою партию соло, что им почти удалось произвести впечатление на публику.

– Хорошо, что я люблю тебя, – бросил он через плечо.

– Ха, – явственно прозвучало в ответ. – Хорошо, что я люблю тебя.

И тут, слава богу, музыка кончилась, девушки встали и начали раскланиваться. Три из них были вполне собой довольны, но у четвертой, той, что играла на виолончели, был такой вид, будто ей хочется выпрыгнуть из окна.

Бабушка вздохнула и смотрела на девушек с сочувствием.

Барышни Смайт-Смит были известны всему Лондону. Каждое их выступление непонятно почему было хуже предыдущего. Когда все решали, что хуже исполнять Моцарта уже нельзя, на сцене появлялась новая четверка кузин Смайт-Смит и доказывала, что можно.

Они были приятными девушками – так во всяком случае ему говорили, – и его бабушка в одном из редких приступов необъяснимой доброты настояла на том, что кто-то обязательно должен сидеть в первом ряду и аплодировать, потому что, как она выразилась, «трех из них медведь на ухо наступил, но всегда есть одна, которая может стореть со стыда».

Бабушка Данбери, которая не стеснялась сказать какому-нибудь герцогу, что у него мозги, как у комара, считала жизненно необходимым аплодировать той барышне Смайт-Смит, чье ухо не было сделано из жести.

Они аплодировали стоя, хотя Гарет подозревал, что бабушке просто потребовался повод, чтобы вернуть свою трость, что Гиацинта Бриджертона и сделала с совершенным почтением.

– Предательница, – шепнул Гарет.

– Так ведь это ваши ступни пострадают, – невозмутимо ответила Гиацинта.

Он невольно улыбнулся. Гарет еще никогда не встречал такой девушки. Она была забавна, излишне раздражительна, но ее умом нельзя было не восхищаться.

В высшем свете Лондона Гиацинта Бриджертон пользовалась необычной репутацией. Она была младшей среди отпрысков Бриджертонов, славившихся тем, что называли своих детей именами, следуя алфавиту. И она, по крайней мере теоретически и для тех, кому это было интересно, была неплохой партией. Она никогда не была замешана, даже косвенно, ни в каких скандалах, а ее семья и связи были выше всяких похвал. Гиацинта была хорошенькой: густые каштановые волосы и пронзительные, умные голубые глаза. А самое главное, подумал Гарет не без цинизма, поговаривали, что ее старший брат, лорд Бриджертон, в прошлом году

увеличил ее приданое после того, как во время третьего сезона она не получила ни одного приемлемого предложения выйти замуж.

Но когда Гарет начал наводить о ней справки – не потому, конечно, что его это интересовало, ему просто захотелось узнать побольше об этой девушке, которая проводила так много времени с его бабушкой, – его друзей просто передергивало.

– Гиацинта Бриджертон? – удивился один. – Неужели ты хочешь на ней жениться? С ума сошел!

Ее не то что не любили – в ней было своеобразное очарование, которое многим нравилось. Но по общему мнению, ее можно было терпеть лишь в малых дозах.

– Мужчины не любят женщин, которые умнее их, – резюмировал один из его друзей, – а Гиацинта Бриджертон не из тех, кто притворяется глупой.

По мнению Гарета, она очень напоминала его бабушку в молодости. В мире не было никого, кого он обожал бы больше, чем бабушку Данбери, а других объектов для поклонения ему не требовалось.

– Ты не рад, что пришел? – спросила его графиня, и ее громкий голос был слышен даже в шуме аплодисментов.

Никто так громко не хлопал, как аудитория на концертах у Смайт-Смитов. Все радовались, что мучениям пришел конец.

– Никогда больше не пойду, – твердо заявил Гарет.

– Разумеется, – снисходительно ответила леди Данбери, прекрасно зная, что и на будущий год будет так, как скажет она.

– Тебе придется найти кого-нибудь, кто сопроводил бы тебя в следующий раз.

– Я и не подумаю просить тебя.

– Ты лжешь.

– Как можно говорить такое своей любимой бабушке? Откуда ты знаешь?

Он выразительно посмотрел на трость в ее руке.

– Ты ни разу не махнула ею с тех пор, как тебе удалось обманом заставить мисс Бриджертон вернуть ее.

– Чепуха! Мисс Бриджертон слишком умна, чтобы ее можно было обмануть. Не так ли, Гиацинта?

Гиацинта посмотрела на графиню.

– Простите?

– Просто скажи «да», и этого достаточно.

– Да, – сказала она и улыбнулась.

– И чтобы ты знал, – ничуть не смутившись, сказала бабушка, словно этого смехотворного обмена репликами и не было, – я воплощение осторожности, когда дело касается моей трости.

– Удивительно, – заметил Гарет, – что у меня ноги еще целы.

– Удивительно, что у тебя целы уши, мой дорогой мальчик.

– Беру свои слова обратно.

– Как хочешь! Я пойду с Пенелопой за стаканом лимонада, а ты составь компанию Гиацинте.

Гарет обернулся к Гиацинте, и ему показалось, что она высматривает кого-то в зале.

– Вы кого-то ищете?

– Нет, просто изучаю публику.

– Вы всегда говорите так, будто вы детектив?

– Мне нравится следить за происходящим.

– А сейчас что-то происходит?

– Нет. – Ее взгляд остановился на споривших мужчинах. – Но никогда ничего нельзя знать заранее.

Что за странная женщина, подумал Гарет и чуть было не покачал головой. Он посмотрел на сцену.

– Мы в безопасности?

Она наконец повернулась к нему.

– Вы имеете в виду, окончен ли концерт?

– Да.

Она нахмурилась, и в этот момент Гарет заметил на ее лице едва заметные веснушки.

– Думаю, что окончен. И зачем только они это делают?

– Вы говорите о Смайт-Смитах?

– Да. – Помолчав, она добавила: – Не знаю, можно подумать, что... Впрочем, не важно.

– Продолжайте, – попросил он, удивившись своему любопытству.

– Ничего особенного. Просто... кто-то должен наконец сказать им о том, что их девушки бездарны. В последние годы публики здесь все меньше. Остались только самые добросердечные.

– И вы относите себя к ним, мисс Бриджертон?

– Меня трудно причислить к добросердечным людям, но, видимо, это так. Так же, как ваша бабушка, хотя она не признается в этом даже на смертном одре.

Гарет вдруг рассмеялся, увидев, как графиня стукнула тростью по ноге герцога Эшборна.

– Я тоже так думаю.

Бабушка со стороны матери после смерти брата Джорджа была единственной, кого он по-настоящему любил. После того как отец вышвырнул его, Гарет отправился в Данбери-Хаус в Суррее и рассказал обо всем бабушке. Кроме, конечно, того, что он незаконнорожденный.

Гарет Сент-Клер всегда подозревал, что леди Данбери страшно обрадовалась бы, если бы узнала, что на самом деле его отец не Сент-Клер. Она никогда не любила своего зятя и, говоря о нем, называла его не иначе, как «этот напыщенный идиот». Но если бы правда всплыла наружу, то мать Гарета – младшую дочь леди Данбери – общество заклеило бы как прелюбодейку, а этого бабушка не вынесла бы.

Его отец – Гарет до сих пор так его называл – так официально от него и не отрекся. Сначала Гарета это не удивило. Лорд Сент-Клер был гордым человеком, и ему, конечно, не хотелось выставлять себя рогоносцем. Кроме того, он, возможно, надеялся в конце концов обуздать Гарета и подчинить своей воле. Может быть, даже заставить его жениться на Мэри Уинтроп и восстановить свое пошатнувшееся материальное положение.

Но Джордж в возрасте двадцати семи лет подхватил какую-то неизвестную болезнь и умер. И Сент-Клер остался без сына.

А Гарет превратился в наследника. Прошедшие с тех пор одиннадцать месяцев он ничего не предпринимал. Только ждал. Рано или поздно барон объявит всем, что Гарет в действительности не его сын. Сент-Клер так гордился своим генеалогическим древом, восходившим к династии Плантагенетов, что не мог позволить, чтобы его титул перешел к какому-то безродному бастарду.

Гарет был совершенно уверен, что отказаться от него как наследника барон сможет, лишь представив важных свидетелей Комиссии по привилегиям палаты лордов. Но дело будет запутанным и внушающим отвращение и к тому же могло кончиться не в пользу барона. Он был женат на матери Гарета, когда она его родила, и этот факт делал его законнорожденным по закону, независимо от истинного положения вещей.

Вся эта история вызовет страшный скандал и погубит репутацию Гарета в глазах общества. Немало аристократов получило свою родословную и фамилии от разных мужчин, но в свете эта проблема открыто никогда не обсуждалась.

Но пока что его отец молчал.

Гарету часто приходило в голову, что он молчит только потому, что хочет его помучить.

Гарет оглядел зал и увидел бабушку, принимавшую стакан лимонада из рук Пенелопы Бриджертон, которую она каким-то образом принудила ухаживать за ней. Агату, леди Данбери, считали дамой со странностями. Она не стеснялась высмеивать даже августейших особ, а иногда и над собой подтрунивала. Но при всей своей резкости графиня всегда была добра к тем, кого любила, и Гарет знал, что в этом списке он занимает главенствующее место.

Когда он приехал к ней и рассказал, что отец его выгнал, она побледнела, но никогда не пыталась использовать свое влияние, чтобы заставить лорда Сент-Клера вернуть сына.

– Ха, – сказала она, – теперь я буду тебя содержать.

И слово свое сдержала.

Она оплатила расходы на обучение Гарета в Кембридже, а когда он его окончил (не первым, но все же с хорошими рекомендациями), графиня сообщила ему, что его мать оставила ему небольшое наследство. Гарет удивился, что у его матери были свои деньги, но леди Данбери лишь поджала губы и заявила:

– Неужели ты думал, что я позволю этому идиоту прикарманить все деньги? Ведь это я составляла брачный контракт.

Наследство матери давало небольшой доход, что позволило ему снять скромную квартиру и содержать себя. Не так чтобы роскошно, но достаточно, чтобы не чувствовать себя неполноценным. Оказалось, что именно это было для него очень важно. Осознание данного факта весьма удивило Гарета.

Если он все же получит титул Сент-Клера, то унаследует вместе с ним кучу долгов. Барон солгал Гарету, сказав, что они потеряют все, что еще не заложено, если он не женится на Мэри Уинтроп. И все же состояние Сент-Клеров изрядно оскудело. Более того, барон плохо управлял семейным достоянием еще до того, как попытался женить Гарета на Мэри.

Узнав об этом, Гарет вдруг подумал, что барон и не собирается отказываться от него. Оставить своего незаконнорожденного сына по уши в долгах – это, видимо, изощренная месть барона.

Всеми фибрами своей души Гарет чувствовал, что барон желал ему несчастья. Гарет почти не участвовал в светской жизни, но Лондон не был таким уж большим городом, и Гарету не всегда удавалось избегать встреч с отцом. А лорд Сент-Клер никогда не скрывал своей враждебности.

Что касается Гарета, то надо сказать, что и он не скрывал своих чувств. Он придерживался старых привычек, намеренно провоцируя барона. В последний раз, когда они встретились в обществе, Гарет слишком громко смеялся, а потом отправился танцевать с одной веселой вдовой, пользовавшейся не слишком хорошей репутацией.

Лорд Сент-Клер покраснел как рак и прошипел что-то неприятное в адрес Гарета. Гарет не понял, что он имел в виду, к тому же барон был сильно пьян. Однако Гарет постоянно ждал какого-нибудь подвоха. Он не сомневался, что барон нанесет удар именно тогда, когда Гарет меньше всего будет этого ждать. Например, решит изменить свою жизнь. И тогда его мир рухнет.

– Мистер Сент-Клер?

Гарет обернулся. Его окликнула Гиацинта Бриджертон, о которой он, задумавшись о своих делах, забыл.

– Извините, – пробормотал он и улыбнулся так, как обычно улыбался, когда ему требовалось умиротворить женщину. – Я замечтался. – Она посмотрела на него с сомнением, и Гарет добавил: – Со мной такое иногда случается.

Гиацинта не смогла не улыбнуться в ответ, и Гарет мысленно поздравил себя с успехом. День, когда он не сможет заставить женщину улыбнуться, будет его последним днем в Лондоне. Потом ему останется только удалиться в колонии.

– При обычных обстоятельствах, мисс Бриджертон, – сказал Гарет, поскольку требовалось поддерживать вежливый разговор, – я спросил бы вас, понравился ли вам концерт, но сейчас это прозвучало бы жестоко.

Она заерзала на стуле, что было удивительно, поскольку молодых девушек с юного возраста обучали подолгу сидеть прямо и не шевелиться. Это неожиданное движение еще больше его к ней расположило. У него тоже была привычка барабанить пальцами по столу. Гарет ждал ответа, но Гиацинта молчала, явно чувствуя себя неловко. Наконец она наклонилась к нему и прошептала:

– Мистер Сент-Клер?

Он тоже наклонился и заговорщически повел бровью.

– Мисс Бриджертон?

– Вы не могли бы пройти со мной по залу? – Она чуть обернулась и едва заметно кивнула через плечо. Лорд Соммерсхолл развалился на своем стуле, задевая Гиацинту внушительным торсом.

– Разумеется, – галантно ответил Гарет, поднимаясь и предлагая ей руку. – Надо же спасти лорда Соммерсхолла, – добавил он, когда они отошли на несколько шагов.

– Простите?

– Если бы я был любителем пари, я бы поставил четыре к одному в вашу пользу.

Она на секунду смутилась, но потом улыбнулась:

– Вы хотите сказать, что не любите заключать пари?

– Я для этого недостаточно богат.

– По-моему, большинство мужчин это не останавливает.

– И большинство женщин – тоже.

– Удивительно точно подмечено! Англичане – азартный народ, не правда ли?

– А как насчет вас, мисс Бриджертон? Вы любите биться об заклад?

– Конечно, – ответила она, поразив его своей откровенностью. – Но только если уверена, что выиграю.

– Довольно странно, но я вам верю. – Гарет подвел девушку к столу с закусками и напитками.

– О! Придется. Спросите любого из тех, кто меня знает.

– Вы опять выиграли. А я-то думал, что я вас знаю!

Она второй раз за вечер не нашлась что ответить. Гарет сжался над ней и протянул стакан лимонада.

– Пейте, по-моему, вас мучает жажда.

Она взяла стакан и стала пить, сердито поглядывая на него поверх стакана.

Гарет откровенно забавлялся. Она была умна – очень умна, – но держалась так, словно знала, что в этом зале она самая умная. Впрочем, это ее не портило. Гиацинта была очаровательна, но он был уверен, что ей пришлось немало потрудиться, чтобы ее мнение услышали в семье – ведь она была самой младшей.

Но ему почему-то было приятно, что она не находит слов для ответа. Было забавно ставить ее в тупик.

– Скажите, мистер Сент-Клер, как вашей бабушке удалось убедить вас посетить этот концерт?

– Вы не верите, что я пришел сюда добровольно?

Она выразительно подняла бровь. Это произвело на него должное впечатление.

– Хорошо. Сначала у нее вдруг задрожали руки, потом она что-то сказала о том, что ей необходимо показаться врачу, а потом, кажется, вздохнула.

– Всего раз?

Он сделал выразительную паузу.

– Я из более прочного материала, чем вам кажется, мисс Бриджертон. Ей потребовалось целых полчаса, чтобы сломить меня.

– Какой вы замечательный!

Он наклонился к ней и улыбнулся:

– Вы даже не представляете насколько.

Она покраснела. Он был доволен произведенным эффектом, но Гиацинта тут же сбила с него спесь.

– Я слышала о мужчинах, подобных вам.

– Я очень надеюсь.

– Мне кажется, что вы менее опасны, чем вам хотелось бы казаться.

– Это почему же?

Она ответила не сразу, а, прикусив губу, подумала.

– Вы слишком добры к вашей бабушке.

– Некоторые утверждают, что это она слишком добра ко мне.

– Да, бытует такое мнение.

– А вы прямолинейны!

Прежде чем ответить, Гиацинта посмотрела на Пенелопу и леди Данбери в другом конце зала.

– Я стараюсь. Полагаю, что именно поэтому я до сих пор не замужем.

– Да что вы!

– Правда, – ответила она, хотя было ясно, что он ее успокаивает. – Чтобы мужчина женился, его надо заманить в ловушку, даже если он это понимает. А у меня, поверьте, не хватает навыков.

– Вы хотите сказать, мисс Бриджертон, что вы не умеете жеманничать и хитрить?

– Я не умею этим пользоваться, вот в чем дело.

– Ах, вот как, – буркнул Гарет, но она не поняла, задело его ее замечание или нет. – Но мне любопытно... Почему вы считаете, что мужчину нужно заманить в ловушку, а иначе он не женится?

– А вы охотно пошли бы к алтарю?

– Нет, но...

– Вот видите? Вы утвердили меня в моем мнении. – Гиацинта явно почувствовала себя лучше.

– Стыдитесь, мисс Бриджертон. Не очень-то вежливо прерывать меня на полуслове.

– А у вас есть что сказать? Что-то интересное?

– Я всегда бываю интересным, – улыбнулся Гарет.

– Теперь вы пытаетесь меня запугать. – Откуда у нее взялась смелость? Вообще-то Гиацинта не была застенчивой, но и слишком упрямой тоже. А мистер Сент-Клер не тот человек, которого можно не принимать всерьез. Она играет с огнем – Гиацинта это понимала, – но не могла остановиться. Словно все, что срывалось с его губ, было вызовом и ей надо было не ударить в грязь лицом. Если это соревнование, она должна его выиграть!

– Мисс Бриджертон, вас сам дьявол не испугает.

Она глянула на него в упор.

– Это ведь не комплимент? Или?

Он поднес ее руку к своим губам и поцеловал.

– Выбирайте сами, как вам больше нравится.

Со стороны их разговор был воплощением приличия, но Гиацинта видела смелый блеск в его глазах и почувствовала, как искра проскочила между ними.

Гарет же как ни в чем не бывало поднял голову и сказал:

– Дайте мне знать о своем решении по поводу комплимента. Всегда полезно знать, как тебя оценивают. Я жду вашего одобрения.

– Вы...

– Нет, нет. – Он поднял палец, будто хотел приложить его к ее губам, чтобы она замолчала. – Ничего не говорите, а то испортите этот редкий, исключительный момент.

Гиацинта молча стояла и смотрела на него.

– До следующей встречи, мисс Бриджертон, – пробормотал Гарет и исчез.

Глава 3

Три дня спустя, когда наш герой узнает, что от прошлого еще никому не удавалось избавиться.

– Вас хочет видеть какая-то женщина, сэр.

Гарет поднял голову от огромного, как бегемот, письменного стола красного дерева, занимавшего почти половину небольшого кабинета.

– Утверждает, что она жена вашего брата, – добавил лакей.

– Каролина? Немедленно проводи ее ко мне.

Он встал из-за стола в ожидании ее прихода. Гарет ни разу не видел Каролину после похорон Джорджа, на которых он все время старался держаться подальше от отца.

Лорд Сент-Клер, выгнав младшего сына из дома, приказал Джорджу порвать всякие отношения с Гаретом, но Джордж не прекратил с ним видеться, хотя во всем остальном беспрекословно слушался отца. И за это Гарет полюбил брата еще больше. Барон не хотел, чтобы Гарет присутствовал на церемонии прощания, но когда тот пришел в церковь, даже он не решился устроить скандал и выгнать его.

– Гарет?

Гарет отвернулся от окна, хотя не помнил, как он возле него очутился.

– Каролина, – тепло приветствовал он невестку, протягивая руки. – Как поживаешь?

Она нерешительно пожала плечами. Каролина вышла замуж за Джорджа по любви, и Гарет никогда не видел ничего более ошеломляющего, чем полные слез глаза Каролины во время похорон ее мужа.

– Я понимаю, – тихо промолвил Гарет. Ему тоже не хватало брата. Они были невероятной парой: спокойный и серьезный Джордж и ведущий разгульную жизнь Гарет. Но они были не только братьями, но и друзьями, и Гарету нравилось думать, что они прекрасно дополняли друг друга. В последнее время Гарет подумывал о том, что ему следовало бы вести более упорядоченный образ жизни хотя бы в память о брате.

– Я разбирала его вещи и кое-что нашла. Думаю, теперь это принадлежит тебе.

Каролина достала из сумочки небольшую книжку.

– Что это? Я не узнаю.

– Конечно, ты и не можешь ее узнать. Она принадлежала матери твоего отца.

Гарет не смог скрыть гримасу. Каролина не знала, что Гарет на самом деле не Сент-Клер. Он не был уверен и в том, что и Джорджу это было известно. Во всяком случае, они никогда этот вопрос не обсуждали.

Небольшая книжечка в кожаном переплете, застегивавшемся на крошечную пуговичку, была перевязана лентой. Гарет снял ленту, растянул пуговичку и осторожно раскрыл книгу с пожелтевшими от времени страницами.

– Это дневник, – с удивлением улыбнулся он, обнаружив, что дневник велся на итальянском языке. – Что в нем написано?

– Не представляю. Я даже не подозревала о его существовании, пока не нашла в письменном столе Джорджа на этой неделе. Он никогда не говорил мне о нем.

Гарет смотрел на дневник, на аккуратный почерк, на слова, значения которых он не понимал. Мать его отца происходила из старинного итальянского рода. Гарета всегда смешил тот факт, что его отец наполовину итальянец. Барон так гордился своими английскими предками и любил хвастаться тем, что они жили в Англии со времен Вильгельма Завоевателя. Гарет не помнил, чтобы отец когда-либо упоминал о своих итальянских корнях.

– Там есть записка Джорджа, – сказала Каролина, – в которой он написал, чтобы я отдала дневник тебе.

У Гарета было тяжело на сердце. Он посмотрел на дневник, свидетельствовавший о том, что Джордж не знал, что они братья только по матери. Гарет не имел кровной связи с Изабеллой Маринколи Сент-Клер, а значит, не имел права читать дневник.

– Тебе придется найти переводчика, – с задумчивой улыбкой тихо сказала Каролина. – Интересно, о чем там написано. Джордж всегда так тепло отзывался о вашей бабушке.

Гарет тоже вспоминал о ней с любовью, хотя они не часто с ней виделись. Лорд Сент-Клер был не в очень хороших отношениях со своей матерью, поэтому Изабелла навещала их довольно редко. Но она всегда баловала своих внуков, и Гарет помнил, как он был потрясен, когда ему сказали, что она умерла. Ему тогда было семь лет. Если любовь так же важна, как кровь, может быть, этот дневник должен быть у него, а не у кого-нибудь другого.

– Постараюсь что-нибудь сделать. Наверное, не так уж трудно найти человека, который может перевести с итальянского.

– Я бы не доверила его случайному человеку, – возразила Каролина. – Это ведь дневник твоей бабушки, ее личные мысли и переживания.

Каролина была права. Он в долгу перед бабушкой и найдет тактичного человека, который переведет ее мемуары. И Гарет точно знал, с чего начать поиски.

– Я отвезу дневник бабушке Данбери, – неожиданно сказал Гарет. – Она посоветует, как поступить.

Бабушка Данбери любила говорить, что знает все, и правда была в том, что она почти всегда была права.

– Расскажи мне, когда все узнаешь, – попросила Каролина, закрывая за собой дверь кабинета.

– Конечно, – пробормотал он, не заметив, что Каролина уже ушла.

Гарет посмотрел на дневник. Его начало датировалось 10 сентября 1793 года...

Между тем в гостиной неподалеку...

– А? Говори громче! Я не слышу, – перебила ее леди Данбери.

Гиацинта опустила книгу, придерживая пальцем страницу, которую она читала. Леди Данбери любила притворяться глухой, когда ей это было нужно, когда Гиацинта доходила до пикантных мест в любовных романах, которые больше всего нравились графине.

– Я прочла, – терпеливо повторила Гиацинта, – что наша дорогая героиня тяжело дышала. Нет, дайте я посмотрю – она задыхалась, и ей не хватало воздуха.

– Пфф, – фыркнула леди Данбери.

Гиацинта посмотрела на обложку книги.

– Интересно, для автора английский язык – родной?

– Читай дальше, – приказала графиня.

– Хорошо. Так вот: «Мисс Бамблхед¹, увидев приближающегося к ней лорда Сэвиджвуда, бросилась бежать».

– Ее зовут не Бамблхед, – возразила графиня.

– А следовало бы назвать именно так.

– Что правда, то правда. Но ведь не мы написали эту историю, не так ли?

Гиацинта откашлялась и стала снова читать: «Он был уже совсем близко, и мисс Бамблхед...»

– Гиацинта!

¹ Тупица.

– Баттеруорт, – проворчала Гиацинта. – Как бы ее там ни звали, она побежала к скалам.
Конец главы.

– К скалам? Опять? Разве она не бежала туда в конце предыдущей главы?

– Может, туда далеко бежать?

– Я тебе не верю.

Гиацинта пожала плечами.

– Я, конечно, могла бы соврать, чтобы избавиться от чтения нескольких страниц из необычайно опасной жизни Присциллы Баттеруорт, но я говорю правду. – Поскольку леди Данбери молчала, Гиацинта протянула ей книгу и попросила: – Хотите сами проверить?

– Нет-нет, я тебе верю хотя бы потому, что другого выбора у меня нет.

Гиацинта пристально посмотрела на леди Данбери.

– Вы теперь не только глухи, но и слепы?

– Нет. – Леди Данбери вздохнула и картинно положила руку на лоб. – Просто практикуюсь в драматическом искусстве.

Гиацинта громко рассмеялась.

– Я не шучу, – оборвала ее леди Данбери. – Я собираюсь изменить свою жизнь. Я могла бы играть на сцене гораздо лучше тех дур, которые величают себя актрисами.

– Жаль только, что на роли пожилых графинь не очень большой спрос.

– Если бы это сказал мне кто-нибудь другой, – сказала леди Данбери, стуча по полу своей тростью, хотя она сидела в удобном кресле, – я восприняла бы это как оскорбление.

– Мое мнение, стало быть, не в счет? – притворяясь обиженной, протянула Гиацинта.

Леди Данбери хихикнула:

– Знаешь, почему я так тебя люблю, Гиацинта Бриджерстон?

– Я вся внимание, – подалась вперед Гиацинта.

Лицо графини сморщилось в улыбке.

– Потому что ты, дорогуша, точно такая же, как я.

– Знаете, леди Данбери, если бы вы сказали это какой-нибудь другой девушке, она восприняла бы это как оскорбление.

Графиня затряслась от смеха.

– А ты – нет?

– А я – нет.

– Вот и отлично. – Леди Данбери посмотрела на часы на каминной полке. – У нас есть время еще на одну главу.

– Мы же договорились, что будем читать по одной главе каждый вторник, – сказала Гиацинта, только чтобы поспорить.

– Ну хорошо, – проворчала леди Данбери. – Тогда поговорим о чем-нибудь другом.

О господи!

– Скажи мне, Гиацинта, каковы твои перспективы на сегодняшний день?

– Вы прямо как моя мама.

– Комплимент высшей пробы. – Леди Данбери откинулась на спинку кресла. – Мне нравится твоя мать, Гиацинта, а мне редко кто нравится.

– Обязательно скажу ей об этом.

– Ба! Она уже давно все знает, а ты увливаешь от ответа.

– Мои перспективы, как вы деликатно выразились, такие же, как и всегда.

– В этом-то и проблема! Тебе, мое дорогое дитя, нужен муж, вот что я тебе скажу.

– Вы уверены, что моя мать не прячется за занавесками и не подает вам реплики?

– Вот видишь? Мое место на сцене!

– Вы сошли с ума, вы об этом знаете?

– Я достаточно стара, поэтому могу не скрывать свои мысли и говорить то, что хочу. У тебя тоже появится возможность откровенно высказывать свое мнение, когда ты состаришься.

– Я его и сейчас не скрываю.

– Знаю, – согласилась графиня. – Возможно, именно поэтому ты до сих пор не замужем.

– Если бы в Лондоне нашелся хоть один интеллигентный холостяк, – вздохнула Гиацинта, – уверяю вас, я бы попыталась женить его на себе. – Она саркастически улыбнулась. – Вы же не захотите, чтобы я вышла замуж за дурака?

– Нет, конечно, но...

– И перестаньте наконец говорить о своем внуке, как будто у меня не хватает ума понять, что у вас на уме.

– Да я и слова не сказала!

– Но собирались!

– Что ж, он замечательный, – не стала отрицать леди Данбери, – и очень красивый.

Гиацинта прикусила губу, стараясь не вспоминать о своем странном поведении в присутствии мистера Сент-Клера на музыкальном вечере у Смайт-Смитов.

– Вижу, ты не возражаешь.

– Что ваш внук красив? Конечно, нет, – ответила Гиацинта, понимая, что тут спорить не о чем.

– И я горжусь тем, что он унаследовал свои мозги от моей родни, чего я, к сожалению, не могу сказать обо всех своих потомках.

Гиацинта стала смотреть в потолок, чтобы не комментировать высказывание леди Данбери. Старший сын леди Данбери прославился тем, что его голова застряла между прутьями ворот Виндзорского замка.

– О, давай говори, не стесняйся, – проворчала пожилая леди. – По крайней мере двое моих детей наполовину дураки, а про их детей я уж и не говорю. Когда они навещают город, я стараюсь уехать куда-нибудь подальше. Подумать только – я вышла замуж за лорда Данбери, хотя знала, что в голове у него нет ни одной извилины. Но Гарет – это моя награда, и ты будешь душой, если не...

– Ваш внук, – перебила графиню Гиацинта, – тоже не помышляет жениться ни на мне, ни на ком-либо еще.

– Да, – согласилась леди Данбери. – И я никак не пойму, почему он сторонится таких, как ты.

– Таких, как я?

– Молодых, женственных, порядочных. Немного поразвлекся и хватит! Пора жениться!

Гиацинта почувствовала, как у нее запылали щеки. Вообще-то это был именно такой разговор, который всегда доставлял ей удовольствие: гораздо веселее быть неприличной, чем наоборот (в разумных пределах, естественно), но на сей раз она только и смогла сказать:

– Вряд ли стоит обсуждать такие вещи со мной.

– Вот еще! – махнула рукой графиня. – С каких это пор ты стала такой жеманной?

Гиацинта открыла было рот, но, к счастью, графиня и не ожидала от нее ответа.

– Он повеса, это правда. Но если ты захочешь, нет ничего такого, что нельзя было бы изменить.

– Я не собираюсь...

– Просто спусти плечи платья пониже в следующий раз, когда его увидишь, – не унималась леди Данбери. – Мужчины моментально теряют голову при виде большой груди. Он...

– Леди Данбери! – Гиацинта скрестила руки на груди. Она не станет гоняться за повесой, который явно не собирался жениться. Зачем ей такое унижение?

Кроме того, нужно немало воображения, чтобы назвать ее грудь большой. Гиацинта знала, что телосложением она, слава богу, не была похожа на мальчика, но и выдающимися

женскими прелестями пониже шеи, которые заставили бы мужчину оглянуться – и не один раз, – она не обладала.

– Ладно, – сварливо пробурчала леди Данбери. – Слова больше не скажу!

– Никогда?

– До тех пор, пока.

– До тех пор, пока что?

– Не знаю, – тем же тоном ответила графиня.

Но у Гиацинты было такое чувство, что это «пока» наступит довольно скоро.

Наморщив лоб, леди Данбери с минуту помолчала и добавила:

– Подумай о моем предложении. Мы будем отличной командой, вот увидишь.

– Я заранее содрогаюсь, – раздался мужской голос от двери. – Представляю, бабушка, на что ты подстрекаешь бедную мисс Бриджертон.

– Гарет, – просияла леди Данбери. – Как мило с твоей стороны наконец навестить меня.

Гиацинта обернулась и увидела входящего в комнату Гарета Сент-Клера – красивого и элегантно одетого. В лучах солнца, пробивавшихся в окно, его волосы были похожи на отполированное золото. Его появление оказалось для Гиацинты неожиданностью. Она приходила сюда по вторникам уже целый год, но ни разу с ним здесь не встретилась. Можно было подумать, что он намеренно ее избегает.

Невольно возникал вопрос: почему он пришел сегодня? Их разговор на музыкальном вечере не выходил за рамки светской болтовни, и вдруг Сент-Клер здесь, в гостиной своей бабушки, как раз в тот момент, когда она наносит свой еженедельный визит.

– Наконец-то? Неужели ты забыла, что я был у тебя в пятницу? – Гарет повернулся к Гиацинте и с озабоченным видом спросил: – Может быть, она теряет память, мисс Бриджертон? Ведь ей – дайте подумать – девяносто...

Трость леди Данбери стремительно опустилась на ногу Гарета.

– До этого еще очень далеко, мой мальчик, и если тебе дороги твои ноги, ты впредь не станешь богохульствовать.

– Евангелие от Агаты Данбери, – пробормотала Гиацинта.

Гарет улыбнулся ей, чего она совсем не ожидала. Во-первых, потому, что не думала, что он слышал ее замечание, а во-вторых, потому, что Сент-Клер показался ей в этот момент юным и невинным, хотя она точно знала, что он не то и не другое.

Хотя...

Несмотря на ворчание леди Данбери, Гарет действительно был частым гостем в ее доме. Возможно, он вовсе не такой повеса, каким его заклеил высший свет. Плохой человек не мог быть так предан своей бабушке. Гиацинта сказала ему об этом на вечере у Смайт-Смитов, но он поспешил переменить тему разговора.

Он был загадочной личностью, а Гиацинта ненавидела загадки, которые не могла разгадать.

Между тем предмет ее размышлений наклонился, чтобы поцеловать бабушку в щеку. Гиацинта неожиданно поймала себя на том, что разглядывает его спину, шею и косичку, лежащую на воротнике темно-зеленого камзола.

Она знала, что у него нет денег на дорогих портных, и то, что он никогда ни о чем не просит свою бабушку. Тем не менее камзол сидел на нем идеально.

– Мисс Бриджертон, – сказал Гарет, присаживаясь на диван и закидывая одну ногу на другую, – сегодня, очевидно, вторник?

– С утра это так и было.

– Как поживает Присцилла Баттеруорт?

Ее удивило, что он знает, какую они с леди Данбери читают книгу.

– Она бежит к скалам, я беспокоюсь за ее безопасность. Вернее, обеспокоилась бы, если бы нам осталось читать еще одиннадцать глав.

– Жаль. Сюжет книги был бы куда интереснее, если бы Присцилла умерла.

– А вы читали книгу? – вежливо осведомилась Гиацинта.

– Бабушка пересказывает мне ее, когда я навещаю ее в среду. А я всегда бываю у нее по средам. А также почти всегда по пятницам и воскресеньям.

– В прошлое воскресенье тебя не было.

– Я ходил в церковь, – будничным тоном пояснил он.

Гиацинта чуть было не поперхнулась печеньем.

– Разве вы не видели, как молния ударила в колокольню? – обратился он к Гиацинте.

– Я была слишком поглощена проповедью священника.

– Он нес всякую ерунду на прошлой неделе, – провозгласила леди Данбери. – Старееет, наверное.

Гарет хотел что-то возразить, но трость бабушки остановила его.

– Не смей начинать свой обычный комментарий словами «кто бы говорил».

– Мне бы и в голову это не пришло.

– Я тебя знаю. Ты не был бы моим внуком, если бы не сказал этого. Ты согласна со мной, дорогая? – обратилась она к Гиацинте.

К чести Гиацинты, она скромно сложила руки на коленях и ответила:

– Уверена, что на этот вопрос нет правильного ответа.

– Умница, – одобрила леди Данбери.

– Я беру уроки у мастера.

Графиня просияла.

– Если оставить в стороне его наглость, – она посмотрела на Гарета так, словно он был каким-то подопытным насекомым, – на самом деле он необыкновенный внук. Лучшего я не могла бы и желать. Конечно, – добавила она, – ему не с кем соревноваться. У остальных всего три извилины на всех.

Это было не слишком лестным заявлением, если учесть, что у графини было двенадцать внуков.

– Я слышал, что некоторые животные поедают своих детенышей, – пробормотал Гарет.

Леди Данбери проигнорировала его замечание и сказала:

– Поскольку сегодня только вторник, что привело тебя ко мне, мой мальчик?

Гарет нащупал в кармане книжку. Он был настолько заинтригован дневником, что у него совершенно вылетело из головы, что по вторникам бабушку навещает Гиацинта Бриджертон. Ему следовало подождать до вечера. Но он пришел, и это следовало как-то объяснить. Иначе его бабушка решит, что он пришел специально, чтобы увидеть мисс Бриджертон, и потребуется несколько месяцев, чтобы разубедить ее в этом.

– В чем дело, говори.

Гарет повернулся к Гиацинте, довольный тем, что она смущенно поежилась под его пристальным взглядом.

– Почему вы навещаете бабушку? – спросил он.

– Потому что люблю ее. А вы почему?

Гарет не мог сказать, что навещает ее только потому, что она его бабушка. Леди Данбери была для него не только бабушкой, а строгим судьей, но никогда он не воспринимал общение с ней как обязанность.

– Я тоже ее люблю, – ответил он, не сводя глаз с Гиацинты.

– Прекрасно.

Они долго смотрели друг на друга, словно соревновались, кто же опустит глаза первым.

– Мне нравится, какой оборот принял наш разговор, – громко сказала леди Данбери, – но о чем, черт побери, вы здесь толкуете?

Гиацинта откинулась на спинку дивана и посмотрела на леди Данбери так, словно ничего не произошло.

– Понятия не имею. – Она допила чай и добавила: – Он задал мне вопрос.

Гарет с интересом посмотрел на Гиацинту. С его бабушкой не так-то легко было подружиться, и если Гиацинта Бриджертон с радостью пожертвовала своими вторниками, чтобы навещать ее, это явно говорило в пользу девушки. Не говоря уже о том, что леди Данбери редко кого жаловала своим вниманием, а мисс Бриджертон она восхищалась при каждой возможности. Частично это происходило потому, что она желала их свести. По части такта или тонкости в обращении у его бабушки всегда были проблемы.

Но одну вещь Гарет все же усвоил за все эти годы: его бабушка очень хорошо разбиралась в людях. К тому же дневник был написан по-итальянски. Даже если в нем и содержались какие-либо интимные секреты, мисс Бриджертон вряд ли о них узнает.

Приняв решение, Гарет достал из кармана дневник.

Глава 4

С этого момента жизнь Гиацинты наконец-то становится такой же волнующей, как жизнь Присциллы Баттеруорт. Правда, необходимо исключить скалы...

Гиацинту заинтриговали явные сомнения Сент-Клера. Прежде чем обернуться к бабушке, он сначала внимательно изучил ее своими ясными голубыми глазами. Гиацинта, естественно, старалась не выдать своего интереса. Она понимала, что он колеблется – доверить ли свое дело бабушке в ее присутствии, – и подозревала, что если каким-то образом вмешается, это повлияет на его решение.

Но видимо, она прошла проверку, потому что через минуту он достал из кармана маленькую книжечку в кожаном переплете.

– Что это? – Леди Данбери взяла книжку в руки.

– Дневник бабушки Сент-Клер, его сегодня принесла Каролина. Она нашла его среди вещей Джорджа.

– Он на итальянском, – заметила графиня.

– Да, я это понял.

– А почему ты принес его мне?

Гарет улыбнулся:

– Ты всегда говорила мне, что знаешь все. Если не все, то уж всех точно.

– Мне вы тоже сказали об этом сегодня, – поддержала его Гиацинта.

– Благодарю вас, – с оттенком покровительства сказал Гарет, повернувшись к Гиацинте.

В тот же момент на нее сердито посмотрела леди Данбери.

Гиацинта слегка поежилась. Но не потому, что графиня на нее рассердилась. К этому девушка давно привыкла. Ей не понравился снисходительный тон мистера Сент-Клера.

– Я надеялся, что ты, возможно, знаешь какого-нибудь уважаемого переводчика, бабушка.

– С итальянского?

– Да, похоже, потребуется знание именно этого языка.

– Хм. – Леди Данбери постучала тростью по ковру так, как обычный человек постучал бы пальцами по столу. – Итальянский? Он не так распространен, как французский, который знаком всякому приличному человеку...

– Я умею читать по-итальянски, – вмешалась Гиацинта.

– Вы шутите, – опередил графиню Гарет.

– Вы не все обо мне знаете, – сказала Гиацинта леди Данбери.

– Да, конечно, но итальянский?

– В детстве у меня была гувернантка-итальянка. Ей нравилось учить меня своему языку. Говорю я, конечно, плохо, но если прочитаю одну-две страницы, то пойму, о чем идет речь.

– Но здесь больше чем одна-две страницы.

– Разумеется, но я буду читать больше чем две страницы за один раз. И потом... он вряд ли написан в стиле старых римлян.

– В таком случае это была бы латынь, – ехидно заметил Гарет.

Гиацинта стиснула зубы.

– Ради бога, мальчик, дай ей книжку.

Гарет не заметил, что дневник был в руках у бабушки, что, по мнению Гиацинты, свидетельствовало о том, что он крайне взволнован. Он встал, взял у леди Данбери дневник и повернулся к Гиацинте. С минуту он колебался, и Гиацинта, возможно, этого и не заметила бы, если бы не смотрела ему прямо в лицо.

Он протянул ей книжку и пробормотал:

– Прошу, мисс Бриджертон.

Гиацинта приняла книгу со странным чувством, будто он вручил ей свою судьбу. Девушка даже слегка поежилась под его изучающим взглядом.

– Вам холодно, мисс Бриджертон?

Она покачала головой и стала рассматривать книжку, чтобы избежать его взгляда.

– Страницы очень хрупкие, – сказала она, осторожно переворачивая одну.

– О чем это говорит?

Гиацинта снова стиснула зубы. Она чувствовала дыхание Гарета Сент-Клера на своей шее, и это вовсе не доставляло ей удовольствия.

– Что ты над ней навис! – рявкнула леди Данбери.

Он немного отодвинулся, но недостаточно, чтобы Гиацинта почувствовала себя непри-
нужденно.

– Ну что? – требовательно спросил он.

– Она пишет о своей предстоящей свадьбе. Я думаю, она должна выйти замуж за вашего дедушку через... три недели. Полагаю, церемония состоялась в Италии.

Гарет кивнул и потребовал:

– Продолжайте.

– И... – Гиацинта наморщила нос, как она всегда делала, когда задумывалась. Этот жест был не слишком привлекательным, но не могла же она сейчас не думать!

– Что она написала? – нетерпеливо спросила леди Данбери.

– ...О, правильно! Она не очень счастлива, что выходит замуж.

– А кто бы был счастлив? – вставила леди Данбери. – Этот человек больше напоминал медведя, да простят меня те в этой комнате, кто с ним одной крови.

Гарет проигнорировал реплику бабушки.

– Что еще?

– Я же сказала вам, что не очень хорошо знаю итальянский, – вспылила Гиацинта. – Мне нужно время, чтобы разобраться.

– Возьмите его домой. Вы все равно увидите Гарета завтра вечером, – сказала графиня.

– Вот как? – спросила она в тот же момент, как Сент-Клер сказал:

– Как это?

– Ты должен сопровождать меня на вечер поэзии к Плейнсуортам. Или ты забыл?

Гиацинта с удовольствием наблюдала за тем, как рот Гарета Сент-Клера сначала открылся, а потом закрылся в явном страдании. Она даже решила, что он немного напоминает задыхающуюся рыбу.

– Я право же... То есть я хочу сказать, я не могу...

– Можешь и пойдешь. Ты обещал.

Он смотрел на бабушку с недоумением.

– Что-то я...

– Если не обещал, то должен был, и если ты меня любишь...

Гиацинта кашлянула, чтобы скрыть смех, а потом напустила на себя серьезность, когда он бросил на нее злобный взгляд.

– В моей эпитафии, – сказал Гарет, – будет написано: «Он любил свою бабушку даже тогда, когда никто ее не любил».

– И что в этом плохого?

– Я приду, – покорно вздохнул он.

– Захватите вату, чтобы заткнуть уши, – посоветовала Гиацинта.

– Неужели это будет хуже вчерашнего музыкального вечера? – Его ужас был неподдель-
ным.

– Леди Плейнсуорт до замужества была Смайт-Смит.

Леди Данбери подавила смешок.

– Мне лучше поехать домой. – Гиацинта встала. – Я постараюсь перевести первую запись до завтрашнего вечера, мистер Сент-Клер.

– Буду вам очень признателен, мисс Бриджертон.

Гиацинта кивнула и пошла к дверям, стараясь не замечать странного ощущения у себя в груди. Господи, это же только книга! А он всего-навсего мужчина.

Ее раздражало странное желание произвести на него впечатление. Она хотела сделать нечто, что свидетельствовало бы о ее уме и интеллигентности, нечто, что заставило бы его смотреть на нее по-другому, а не с нескрываемым сарказмом.

– Разрешите проводить вас до двери.

От удивления Гиацинта остановилась. Она не ожидала, что он окажется так близко.

– Я... а...

Все дело было в его глазах. Они были такими голубыми и пронзительно чистыми, что ей показалось, будто она может читать его мысли. Однако на деле выходило, что это она ничего не могла от него скрыть.

– Да? – Он взял ее за локоть.

– Нет, ничего.

– Подумать только, – говорил он, провожая ее в холл. – Я никогда не видел, чтобы вы не находили слов. Разве что вчера вечером, – добавил он, слегка склонив голову. – Я имею в виду музыкальный вечер. Он был замечательный, не правда ли?

– Мы едва знакомы, мистер Сент-Клер. Откуда вам знать, как часто я лишалась дара речи.

– Ваша репутация известна.

– Так же, как и ваша.

– Вы меня сразили, мисс Бриджертон.

Увидев у дверей свою горничную, Гиацинта высвободила руку.

– До завтра, мистер Сент-Клер.

Она могла поклясться, что, когда за ней закрывалась дверь, он ответил:

– Arrivederci².

Гиацинта приезжает домой.

Ее мать ждет ее, и это не сулит ничего хорошего.

– Шарлотта Стоукхерст, – заявила Вайолет Бриджертон, едва Гиацинта появилась на пороге входной двери, – выходит замуж.

– Сегодня? – поинтересовалась Гиацинта, снимая перчатки.

Вайолет посмотрела на нее с нескрываемым неудовольствием.

– Она обручилась. Ее мать сказала мне об этом сегодня утром.

Гиацинта огляделась.

– Вы ждали меня здесь, в холле?

– За графа Рентона, – добавила Вайолет. – За Рентона.

– У нас еще остался чай? Я всю дорогу шла пешком, и мне очень хочется пить.

– За Рентона! – воскликнула Вайолет, в отчаянии вздевая руки. – Ты меня слышала?

– За Рентона, – покорно повторила Гиацинта. – У него толстые лодыжки.

– Он... Почему ты смотрела на его лодыжки?

– Больше смотреть было не на что. – Гиацинта отдала ридикюль с итальянским дневником служанке.

² До свидания (ит.).

– Отнеси, пожалуйста, это в мою комнату.

Подождав, пока служанка уйдет, Вайолет сказала:

– В гостиной есть для тебя чай, и я не вижу ничего необычного в лодыжках Рентона.

– Значит, тебе нравятся толстые лодыжки, мама, – пожала плечами Гиацинта.

– Гиацинта!

Тяжело вздохнув, девушка поплелась вслед за матерью в гостиную.

– Мама, у тебя шестеро детей женаты и замужем. И все они довольны своим выбором.

Почему тебе непременно хочется навязать мне неподходящего жениха?

Вайолет села и налила дочери чашку чая.

– Я ничего не навязываю, но ты могла хотя бы посмотреть...

– Мама, я...

– Или хотя бы притвориться ради меня.

Гиацинта не смогла удержаться от улыбки.

Вайолет протянула Гиацинте чашку, но потом добавила в нее еще одну ложку сахара. В семье только Гиацинта пила очень сладкий чай.

– Спасибо. – Она попробовала чай, он был не так горяч, как она любила, но девушка все же его выпила.

– Гиацинта, – начала мать таким тоном, который неизвестно почему заставлял Гиацинту чувствовать себя виноватой, – ты же знаешь, что я просто хочу видеть тебя счастливой.

– Да, я знаю.

Если бы Вайолет стремилась выдать дочь замуж из соображений социального статуса или финансового положения, ее желания можно было легко проигнорировать. Но мать любила ее и желала ей счастья, поэтому Гиацинта изо всех сил старалась поддерживать хорошее настроение матери.

– Я не требую, чтобы ты выходила замуж за человека, общество которого тебе неприятно.

– Я знаю.

– И если ты никогда не встретишь подходящего человека, я буду совершенно счастлива видеть тебя незамужней.

Гиацинта посмотрела на мать с недоверием.

– Хорошо, – поправилась Вайолет, – не совершенно счастлива, но ты знаешь, что я никогда не заставлю тебя выйти замуж за кого-либо недостойного.

– Я знаю.

– Но, дорогая, ты никогда никого не найдешь, если не будешь искать.

– Я ищу, – запротестовала Гиацинта. – Я выезжала в свет почти каждый вечер на этой неделе. Я даже была вчера на музыкальном вечере у Смайт-Смитов. На котором, смею добавить, тебя, мамочка, не было.

– У меня небольшой кашель.

Гиацинта ничего не сказала, но ее взгляд нельзя было истолковать превратно.

– Я слышала, ты сидела рядом с Гаретом Сент-Клером, – после подобающей паузы сказала Вайолет.

– У тебя везде есть шпионы?

– Это значительно облегчает жизнь.

– Для тебя, возможно.

– Он тебе понравился? – настаивала мать.

Понравился ли ей Гарет Сент-Клер? Станный вопрос. Гиацинту раздражала та снисходительная насмешливость, с которой он к ней обращался, даже после того, как она согласилась перевести дневник его бабушки. Она не могла сказать, о чем он думает, испытывала в его присутствии какое-то внутреннее беспокойство, если не сказать тревогу.

– Ну, что ты скажешь?

– Немного.

В глазах Вайолет появился нехороший блеск, напугавший Гиацинту.

– Не надо, – предупредила Гиацинта.

– Он прекрасная партия, Гиацинта.

Девушка так посмотрела на мать, словно у той вдруг выросла вторая голова.

– Ты с ума сошла? Тебе хорошо известна его репутация.

Вайолет тут же отмела это заявление.

– Никто не вспомнит о его репутации, когда вы поженитесь.

– Даже если он будет продолжать проводить время с оперными певичками и им подобными женщинами?

– А он перестанет.

– Откуда ты знаешь?

– Просто у меня такое чувство.

– Мама, – терпеливо возразила Гиацинта, – ты знаешь, что я очень тебя люблю...

– Интересно, – в задумчивости сказала Вайолет, – почему я не ожидаю ничего хорошего, когда слышу предложение, начинающееся с этих слов?

– Но ты должна простить меня, если я не соглашаюсь выходить замуж за человека только потому, что у тебя появилось чувство, будто...

Вайолет продолжала безмятежно пить чай.

– Пока я еще никогда не ошибалась.

– Мама, – Гиацинта помолчала чуть дольше обычного, чтобы выиграть время и привести в порядок свои мысли, – я не собираюсь преследовать мистера Сент-Клера. Он не тот человек, который мне подходит.

– Я не уверена, что ты узнала бы подходящего тебе мужчину, даже если бы он появился у нас на пороге верхом на слоне.

– Я бы подумала, что слон является замечательным знаком того, что мне следует поискать в другом месте.

– Гиацинта!

– Кроме того, – добавила девушка, вспомнив, с какой снисходительностью на нее всегда смотрит мистер Сент-Клер, – мне кажется, что я не очень-то ему нравлюсь.

– Чепуха, – отрезала Вайолет с решительностью наседки. – Все тебя любят.

– Нет, думаю, ты ошибаешься.

– Гиацинта, я твоя мать, и я знаю...

– Мама, ты будешь последним человеком, которому признаются в том, что меня недолюбливают.

– Тем не менее...

– Мама, – Гиацинта решительно поставила на стол чашку, – это не имеет значения. Чтобы понравиться всем, мне пришлось бы все время быть доброй, обворожительной, глупой и скучной. И что в этом хорошего?

– Ты говоришь, как леди Данбери.

– Я люблю леди Данбери.

– Я тоже ее люблю, но это не значит, что я хотела бы иметь такую дочь.

– Мама...

– Ты упрямисься, потому что Гарет Сент-Клер тебя пугает.

– Неправда.

– Уверяю тебя. – Вайолет была необычайно довольна собой. – Странно, что это раньше не пришло мне в голову.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Почему ты до сих пор не вышла замуж?

Вопрос матери огорошил Гиацинту.

– Я не поняла, мама.

– Почему ты не выходишь замуж? По-моему, ты даже не хочешь выходить?

– Конечно же, хочу.

Она действительно хотела иметь детей и семью и любить их с той же настойчивостью, как и ее мать.

Но это не означало, что она была готова выйти замуж за первого встречного. Гиацинта никогда не была прагматичной, она бы согласилась выйти замуж за нелюбимого человека, если бы во всем остальном он ее устраивал. Неужели у нее такие завышенные требования? Куда подевались все истинные джентльмены?

– Мама, – мягко сказала Гиацинта, понимая, что мать желает ей только добра, – я хочу выйти замуж. Клянусь тебе! И я искала...

– Правда?

– Я получила шесть предложений, но не моя вина, что все они оказались неподходящими.

– Вот как.

Тон матери удивил Гиацинту.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Половина из них охотилась за твоим приданым... Что касается другой половины – ты уже через месяц довела бы их до истерики.

– Какая нежность по отношению к своей младшей дочери, – пробормотала Гиацинта.

– Ах, пожалуйста, Гиацинта, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ни один из них не был тебе парой.

– Именно это я и пытаюсь тебе объяснить.

– Но позволь спросить – почему твоей руки просят не те мужчины?

На это у Гиацинты не было ответа.

– Ты говоришь, что ищешь человека, который бы тебе подошел. Но дело в том, Гиацинта, что всякий раз, когда ты встречаешь мужчину, который может постоять за себя или равен тебе по уму, ты его отталкиваешь.

– Неправда, – не очень уверенно сказала Гиацинта.

– Ты их не поощряешь, и за тобой всегда последнее слово, ты всегда стремишься взять верх.

– А кто не стремится?

– Любой мужчина, равный тебе по уму, не позволит вертеть собой так, как тебе этого хочется.

– Но я вовсе не стремлюсь к этому.

Вайолет вздохнула.

– Мне бы хотелось объяснить тебе, что я чувствовала в тот день, когда ты родилась.

– Мама. – Перемена темы была неожиданной, и Гиацинта поняла – что бы ей сейчас ни сказала мать, это будет иметь для нее огромное значение.

– Это произошло вскоре после смерти твоего отца. Я была в таком состоянии, что передать тебе не могу. Бывает горе, которое просто съедает тебя. Оно тебя придавливает, и ты не можешь... – Вайолет замолчала и стиснула губы, стараясь не заплакать. – Ты ничего не можешь делать, и никакими словами это нельзя передать. Это надо самой прочувствовать.

Гиацинта кивнула, хотя вряд ли могла все понять по-настоящему.

– Я не знала, – продолжала Вайолет, – как мне к тебе относиться. У меня уже было семеро детей, но здесь случай особый. У тебя не будет отца, и я должна была заменить тебе обоих родителей.

Гиацинта молча смотрела на мать, боясь проронить хотя бы слово.

– Я была в ужасе от того, что я могу не справиться.

– Ты справилась, – прошептала Гиацинта.

– Знаю, смотри, какой ты стала красавицей.

Губы Гиацинты задрожали: девушка не знала, плакать ей или смеяться.

– Но я не об этом. Ожидая твоего рождения, я почему-то решила, что ты будешь точной копией своего отца. Я была уверена, что увижу его лицо и это будет каким-то знаком свыше.

Гиацинта затаила дыхание. Почему мать никогда ей не рассказывала об этом, а она – не спрашивала?

– Ты родилась, и тебя положили мне на руки, но в твоём облике было больше моего, чем твоего отца. И вдруг – О боже, я помню, как будто все это было вчера – ты посмотрела мне в глаза и дважды мигнула.

– Дважды? – пролепетала Гиацинта, не понимая, почему это так важно.

– Дважды, – повторила Вайолет, и еле заметная улыбка тронула ее губы. – Я это запомнила, потому что мне показалось, что ты сделала это намеренно. Это было так странно. Как будто ты хотела сказать: «Я совершенно точно знаю, что делаю».

Гиацинта засмеялась, сама не понимая, почему смеется.

– А потом ты так завопила, что со стен едва не посыпалась штукатурка. И тут я улыбнулась в первый раз после смерти твоего отца.

Вайолет протянула руку за чашкой с чаем. Гиацинте очень хотелось, чтобы мать продолжила свой рассказ, но поняла, что ситуация требовала тишины. Прошло не меньше минуты, прежде чем Вайолет снова заговорила:

– И с этого момента ты стала мне необычайно дорога. Я люблю всех своих детей, но тебя... – Она посмотрела на Гиацинту. – Ты спасла меня.

У Гиацинты защемило сердце. Она не могла дышать, не могла сдвинуться с места. Она могла лишь смотреть на мать, слушать ее и благодарить бога за то, что была ее дочерью.

– Иногда я слишком тебя оберегала и в то же время была слишком терпимой и снисходительной. Ты была такой жизнерадостной, настолько уверенной в том, что мир принадлежит тебе! Ты была неведомой силой природы, и мне не хотелось обрезать тебе крылья.

– Спасибо, – тихо прошептала Гиацинта.

– Но иногда мне кажется, что ты не замечаешь окружающих тебя людей.

Гиацинта была потрясена.

– Нет-нет, – успокоила ее Вайолет, увидев выражение лица дочери. – Ты добрая, заботливая, гораздо более внимательная и вдумчивая, чем считают многие. Но господи, я не знаю, как это объяснить! Ты слишком самоуверенная, всегда знаешь, что надо сказать.

– Что в этом плохого?

– Ничего, однако хотелось бы, чтобы больше людей обладали таким талантом. – Вайолет сжала руки и потерла большим пальцем правую ладонь. Гиацинта не раз замечала этот жест, когда мать о чем-либо задумывалась. – Но когда что-то нарушает твое душевное равновесие или беспокоит, ты не знаешь, как с этим справиться. И бежишь. Или делаешь вид, что тебя это не интересует. И поэтому я думаю, что ты никогда не найдешь подходящего мужа. Вернее, найдешь, но не будешь об этом знать. Не позволишь себе узнать.

Гиацинта смотрела на мать и чувствовала себя очень маленькой и потерянной. Она вошла сюда, ожидая обычных разговоров о мужьях и свадьбах и об отсутствии таковых, а оказалось, что она вообще не знает, кто она на самом деле.

– Я подумаю об этом, мама.

– Это все, о чем я тебя прошу.

Глава 5

Следующий вечер в гостиной distinguished леди Плейнсуорт. По какой-то непонятной причине на пианино красовались веточки, а на голову маленькой девочке прикрепили рог.

– Люди подумают, что вы ухаживаете за мной, – сказала Гиацинта, когда к ней, даже не притворившись, что он прежде оглядел всю комнату, подошел Гарет.

– Ерунда, – сказал он, усаживаясь на свободный стул рядом с ней. – Всем известно, что я не ухаживаю за приличными женщинами, а кроме того, это лишь укрепит вашу репутацию.

– Я полагала скромность переоцененной добродетелью.

– Не то чтобы я желал снабдить вас средством защиты, но печальный факт состоит в том, что большинство мужчин – бараны: куда один – туда и остальные. Разве вы не утверждали, что хотите выйти замуж?

– Только не за того, кто поведет за мной стадо баранов.

Он улыбнулся ей своей дьявольской улыбкой, и у Гиацинты было такое чувство, что он уже соблазнил легионы женщин. Потом он с таинственным видом наклонился к ней.

Она невольно тоже наклонилась к нему.

– Да?

– Я готов заблечь прямо сейчас.

Гиацинта с трудом удержалась от смеха, неэлегантно хмыкнув при этом носом.

– Как хорошо, что вы не пили молока. – Гарет откинулся на спинку стула с таким видом, будто не сказал ничего необычного. – Иначе оно вылилось бы у вас через ноздри.

– Вам никогда никто не говорил, что это не тот разговор, который мог бы произвести впечатление на женщину? – спросила девушка, когда к ней вернулся дар речи.

– Я не собираюсь производить на вас впечатление, – ответил Гарет, разглядывая публику. – Черт, а это что такое?

Гиацинта проследила за его взглядом. Несколько отпрысков семьи Плейнсуорт появились в зале, одна из девушек была в костюме пастушки.

– Надо же, какое интересное совпадение, – пробормотал Гарет.

– Очевидно, действительно настало время блечь.

– Я предполагал, что здесь будут читать стихи.

– Боюсь, в программе произошли неожиданные изменения.

– Замена ямбического пентаметра? Это уже слишком.

– Думаю, ямбический пентаметр останется, – успокоила его Гиацинта.

– Это будет что-то вроде детской игры в «ку-ку»?

Она строго на него взглянула и взяла программку, лежавшую у нее на коленях.

– Это оригинальная композиция, – глубокомысленно заявила она. – Сочиненная Гарриет Плейнсуорт: «Пастушка, Единорог и Генрих Восьмой».

– Все сразу?

– Я не шучу.

– Конечно же нет. Даже вы не могли бы такое придумать.

Гиацинта решила воспринять это как комплимент.

– А почему мне не дали программку?

– Думаю, их решили не раздавать джентльменам. Надо отдать должное предусмотрительности леди Плейнсуорт. Вы наверняка развернулись бы прямо у входа.

Гарет заерзал на стуле.

– Они уже закрыли двери?

– Нет, но только что приехала ваша бабушка.

Гиацинте слышалось, будто Гарет тихо застонал.

– Она идет не в нашу сторону, – добавила Гиацинта, глядя, как леди Данбери усаживается у прохода сзади.

– Мне тоже так кажется, – пробормотал Гарет, и Гиацинта была уверена, что они подумали об одном и том же. У леди Данбери был вид самодовольной свахи.

Гиацинта посмотрела в зал, чтобы найти мать, для которой она держала место возле себя, но Вайолет сделала вид, что не видит дочь, и села рядом с леди Данбери.

– Ну и ну, – пробормотала Гиацинта себе под нос. Ее мать никогда не отличалась особым тактом, но Гиацинте казалось, что после вчерашнего разговора Вайолет не будет вести себя так откровенно.

Неплохо бы проанализировать этот демарш Вайолет.

На деле же Гиацинта все два дня обдумывала свой разговор с матерью. Она старательно вспоминала всех тех людей, с которыми она встречалась на ярмарке невест. Она почти всегда весело проводила время: говорила то, что ей хотелось говорить, заставляла людей смеяться и радовалась тому, что ее ум оценен по достоинству.

Но было несколько человек, с которыми девушка чувствовала себя неловко. Например, в свой первый сезон она познакомилась с джентльменом, с которым ей было трудно перекинуться хотя бы словом. Он был умен и красив, а когда смотрел на нее, у Гиацинты подкашивались колени. А год назад ее брат Грегори познакомил ее со своим школьным товарищем, который, по признанию самой Гиацинты, был сух, саркастичен и идеально подходил ей. Однако она решила, что он ей не нравится, а матери сказала, что он плохо относится к животным. Но на самом деле... Она многого не знала, как ни старалась произвести обратное впечатление, поэтому Гиацинта избегала таких мужчин. Она говорила, что они ей не нравятся, но, возможно, дело было не в этом. Возможно, она не нравилась себе самой, когда была рядом с ними.

Она посмотрела на Гарета Сент-Клера. Он откинулся на спинку стула с немного скучающим и вместе с тем насмешливым видом, присущим большинству мужчин высшего света Лондона.

– У вас слишком серьезный вид для такого бычьего пентаметра, – заметил он.

Гиацинта посмотрела на сцену в изумлении:

– У нас будут и коровы?

Он отдал ей программку и вздохнул:

– Я готовлюсь к самому худшему.

Гиацинта улыбнулась. Он и вправду веселый и умный. И очень-очень красивый – в этом, впрочем, никто никогда не сомневался.

Она поняла, что он был именно таким, каким она всегда хотела видеть своего мужа.

Боже милостивый!

– С вами все в порядке? – неожиданно спросил он.

– Да. А что такое?

– У вас был такой вид... – Он откашлялся. – Э... простите... Я не могу сказать нечто подобное.

– Даже той, на которую вы не хотите произвести впечатление? – Ее голос прозвучал несколько напряженно.

– Хорошо. Вы выглядели так, словно вас сейчас стошнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.